

18+

Светлана Макарова

Двадцать
НОЛЬ НОЛЬ

Светлана Макарова
Двадцать ноль ноль

«Издательские решения»

Макарова С.

Двадцать ноль ноль / С. Макарова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596916-3

Маленький живописный поселок трепетно хранит свои тайны. Зброшенный секретный завод, гениальный эксперимент советских ученых, результат этого эксперимента, поселившийся в окрестностях поселка. Обычное дело для провинции. Но только не для семнадцатилетнего москвича Алексея, привыкшего проводить время в сети, или на тренировках, или паяя схемы для радиоаппаратуры. А для Вики один крутой поворот изменил привычный сценарий летних каникул, превратив их в сюжет фантастического сериала.

ISBN 978-5-00-596916-3

© Макарова С.
© Издательские решения

Двадцать ноль ноль

Светлана Макарова

© Светлана Макарова, 2025

ISBN 978-5-0059-6916-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конец света.

За окном ярко полыхнула молния. Вика только успела ахнуть, как весь дом содрогнулся от удара грома.

Девушка выглянула в окно. Над деревней распростёрлась огромная туча, погрузив всю округу в сумеречное затишье. Следующая трескучая вспышка и, не дожидаясь сотрясения неба, на землю посыпался горюх первых редких капель.

– Ну здрастье, приехала в деревню, – фыркнула Вика и принялась разбирать сумки.

Всего пять минут назад они: мама, папа, Вика и братец, запыхавшиеся, ввалились на кухню, прямо в объятия не на шутку встревоженной бабушки.

– Успели, Слава Богу! – Перекрестилась она, и крепко прижала к себе Валерку, младшего Викиного брата.

– Мы прям бежали! Там молнии в землю бьют! А на вышках огни зелёные, – затараторил восьмилетний пацан, с хитрой улыбкой, едва переведя дух и прижавшись щекой к знакомому бабушкиному фартуку.

На деревню надвигался мощный грозовой фронт. Подгонял незадачливых путников, что только успели сойти с рейсового автобуса, как над лесом загрохотало. Молнии, словно в фильме-катастрофе, без конца прошивали тёмно-сиреневое полотно. А огромный, серый вал шёл так низко, что задевал рожки опор высоковольтной линии на Северном холме, и от них с жутким потрескиванием сыпались крупные, зеленоватые искры.

Папа несмешно пошутил про конец света. Но Валька только отмахнулся. Под Новый Год они с одноклассниками так ждали компьютерный апокалипсис из-за «нулевой» даты, что разочаровались в принципе. Ведь ни один компьютер пока не свихнулся, а на дворе уже стоял июнь двухтысячного года. Нормальный такой, грозовой июнь. Только вот жалко, что успели домой до грозы. Может, хоть ураган начнётся?

– Вот беда, дедушка сегодня на дальнем выпасе, там шалаш-то старый, – сетовала бабушка.

– А я бы с удовольствием в шалаше с дедом грозу переждал! Можно я к нему побегу?

– Валера! Никаких шалашей, – вмешалась мама, выкладывая на стол продукты из огромной сумки, – это очень опасно.

– Гроза – это очень интересно! И в шалашах молнии не попадают. Они же низкие. Ну можно?

– Исключено, – спокойно сказал отец и Валька сник. Спорить с папой могла только мама. Но это случалось редко.

Вика потирала покрытые мурашками плечи и неодобрительно смотрела на брата. И хоть в почти семнадцать лет стыдно бояться молний, но и радоваться тоже нечему. Грозу можно любить только в городе, когда сидишь под защитой бетонных стен и смотришь из окна на яростные схватки ветра и деревьев, облаков пыли и завесы дождя. А предстоящая буря снаружи маленького деревенского домика никакого восторга не вызывала.

– Гроза с восточной стороны – ничего хорошего, – задумчиво прошептала Вика и прошла в комнату. На диван она уронила пухлую спортивную сумку и принялась разбирать одежду. Пакет с Валькиными трусами и носками она отложила в сторону – пусть укладывает в шкаф сам. Достала купленный только вчера сарафан. Приложила к телу, повертелась перед зеркалом. Нежно-сиреневый, на воздушных бретельках, похожих на лепестки ирисов, так подходящий к её белой коже и светлым волосам, стриженным под каре. Обязательно наденет прямо завтра, ну а пока – на вешалку.

В комнате стало заметно темнее. Вика снова выглянула в окно. Над домами, цепляясь клочками за высокие жерди антенн, ворочалась чёрно-войлочная туча. Дождь не спешил проливаться на землю, перетекал клубами сизого тумана где-то на высоте. В глухом затишье даже молнии перестали распускать свои корни между небом и землёй.

Пришлось вернуться к разбору одежды. Из сумки вытянулась тёмно-зелёная, почти мужская борцовка. Такая, что в сочетании с джинсовыми шортами, могла бы свести с ума кого угодно. Но девушка теперь не собиралась никого лишать покоя и сна. Ей и зимней истории хватило. Но борцовка была – что надо. От неё, приложенной к груди или от полумрака комнаты, Викины глаза, обычно серо-зелёные, стали тёмными, малахитовыми, а губы яркими, брусничными. Чуть приподнятая верхняя, так что при улыбке виден жемчужный блеск и пухлая, красиво очерченная нижняя. К борцовке очень подходили мужские часы в чёрном пластиковом корпусе, что странно смотрелись на тонком запястье девушки. Но это были Ромкины часы. Последнее, с чем не хотело расставаться её разбитое сердце.

На кухне включили свет. Узкие щёлки двери загорелись янтарём, оттеняя скопившуюся в комнате тьму. Там, на тёплой, уютной кухне мама и бабушка звенели посудой, шуршали пакетами – разогревали обед, накрывали на стол. Отец и Валерка, судя по всему, гордо удалились во двор. Там их ждали соскучившиеся от зимнего бездействия удочки и велосипеды. Накачать шины, смазать цепь, крючки-поплавки перебрать.

Воздух словно сгустился. В отражённых в зеркале углах комнаты заворочался серый мрак. Он переползал неясными тенями, прячась от взгляда. Невесомо обнимал хрупкие плечи девушки, что уже подумывала включить свет. Но под руки попала ещё одна любимая вещь, и Вика решила ещё немного покрасоваться в таинственном полумраке. Для прохладных дней была припасена, буквально выклянченная у мамы на рынке, бесформенная толстовка – чёрный мешок, бессовестно скрывающий отличную фигуру. Вика даже накинула её на плечи, и тёмное отражение силуэта тут же слилось с окружающей чернотой. Остались лишь знакомые очертания.

Очертания тела, которые всё больше начинали нравиться. У Вики наступала та пора взросления и изменения тела, когда подростковая худощавость и вытянутость уходила, оставляя о себе на память тонкие запястья и щиколотки, острые плечики, почти мальчишеские узкие коленки. Всё ярче вырисовывалась линия талии. А то, что верх от прошлогоднего купальника стал слишком мал, смутило и, в то же время, порадовало Вику, но слегка озадачило маму непредвиденными тратами времени и денег перед самым отъездом.

Но кофта просто замечательно всё это скрывала. И если вдруг захочется стать невидимкой, то лучше её не найти.

– Обедать! – донеслось из кухни.

– Пойду позову ребят, – негромко добавила мама.

Вика только успела повесить в шкаф вешалку с несколькими свитерочками, как изо всех окон в комнату хлынул электрический, фиолетово-голубой свет. На доли секунды начертил на полу узоры тюлевых занавесок, оконных перекладин и, кажется, даже тонкой паутинки в укромных углах.

Дом словно перетряхнуло по брёвнышку, так, что подпрыгнул пол и потолок, посыпалась пыль, и труха зашуршала под обоями. Старинный радиоприёмник на стене щёлкнул и затих.

И тут же все звуки утонули в оглушающем треске, ударном тяжёлом гуле, от которого заложило уши.

Перепуганная, оглохшая и почти ослеплённая Вика рухнула на колени, прижав ледяные ладони к щекам. По старым проводам от счётчика до розеток и выключателей побежали маленькие, сиреневые молнии, словно шустрые ящерицы, пропадая и появляясь снова, неуловимо быстрые, моментальные. С неслышным треском они спустились к ближайшей розетке. Внутри что-то вспыхнуло и в нос ударил запах сожжённых проводов. С хлопком взорвалась лампочка в старом абажуре и на плечи посыпались тонкие стеклянные осколки.

С тот же момент погас свет на кухне, и дверь распахнулась. Отец метнулся через всю комнату к счётчику и резко повернул тумблер. На пороге стоял перепуганный не на шутку брат и беззвучно открывал рот. За его спиной мама и бабушка размахивали руками и тоже без конца открывали рты.

Через несколько минут Вика, дрожа разнокалиберной дрожью, уже сидела на кухне. Не сводила глаз с яркого огонька свечки, зажжённой бабушкой, грела руки о чашку с крепким чаем и потихоньку начинала слышать. Мама аккуратно, частой расчёской вычёсывала из её волос мелкое стекло.

В дом ударила молния.

В дом ударила молния! – вот что обсуждали за столом. И поскольку притянула разряд антенна, от которой за зиму отвалился провод-громоотвод, Вике досталось больше всех, ведь она была в комнате, где стоял и счётчик, и телевизор. Даже радио – и то сгорело. Папа и Валерка были во дворе и только грохот услышали, ну и тряхнуло слегка. А на кухне просто погас свет, все провода и лампочки остались целы. Но в комнате молния натворила много бед. Проводка сгорела, оставив чёрное граффити по периметру стен, телевизор и радио вышли из строя.

– Господи святы, – тихо причитала бабушка, – как не загорелись только?

Пока семья обедала, не чувствуя вкуса ни салата, ни супа, заходили взволнованные соседи, сетовали на отключение электричества, утешались, что обошлось без пожара. Дядя Коля обещал зайти вечером – помочь отцу починить телевизор.

Валька допивал молоко, не без недовольного пыхтения и стонов, а Вика пыталась взять себя в руки. У девушки была причина бояться грозы. Причина родом из детства. Особенно, если гроза приходила с восточной стороны.

На улице быстро светлело. Дождь так и не решился пролиться над этой деревней, уплыл вместе с глухо погромыхивающей тучей на юго-запад. Из-под её белесого языка выглянуло смущённое и растерянное солнце. Стоило первым лучам коснуться вершин берёз и могучих лип, как воздух заполнился звенящим щебетом, жужжанием, писком и треском. Виртуозными полётами стрижей и гортанными, далёкими выкриками лесных воронов.

– Мам, ты же знаешь, я люблю грозу, только без взаимности, – вздыхала Вика, сидя посреди разложенной на диване одежды. В комнату заглядывало медовое солнце. От лёгкого ветра, залетающего в раскрытое окно, тюлевая занавеска ласкала бахромой краешек стула. Отец осторожно снимал со стены сгоревшие провода.

– Ну, молния два раза в одно место не попадает. Значит, можно больше не бояться. Теперь ты у меня везучая, самая счастливая девочка. – Мама всегда находила плюсы в любых неприятных ситуациях.

– Очень счастливая, – буркнула вполголоса Вика. Прошлая осень и зима оставили на память незаживающую рану по имени Рома. И твёрдое убеждение, что в любви, да и просто по жизни, Вике не везёт. Двойное предательство – это уж слишком.

Вечный нерешаемый выбор, что проще и легче: продолжать страдать или заставить себя забыть?

– Это на самом деле счастье, что ты цела. И дом тоже. Подумать только, – мама тяжело вздохнула, – а ведь мог и пожар быть.

А Вика вдруг представила, как от обугленных проводов загораются обои, старенькие обои с рисунком берёзовых веточек, что по ошибке наклеили вверх тормашками и от этого стены превратились в сказочный лес с фантастическими деревьями. Как чернеет потолок, и красно-коричневая дорожка на полу расплавляется от жара в чёрную тягучую лужу. А огонь съедает без разбора занавески, кружевную скатёрку на комод, стопку детских книжек на деревянной этажерке, Валькины и старые Викины игрушки, одежду, разложенную на диване. И теперь уже нет у них деревенского дома. Места, где Вика провела всё летнее детство и куда можно сбежать от всех городских проблем и жестоких сердцеедов.

Непреодолимо захотелось на воздух. Словно вдруг стало тесно в этом любимом и уютном маленьком домике. И во всей деревне. Даже, может быть, во всём мире. Иногда его границы сужаются, стоит случиться чему-нибудь из ряда вон. И первой жизненной необходимостью становится поиск возможностей расширить их. Любым способом. Да хотя бы новым путешествием.

В сених послышался топот и через пару секунд на пороге появился Валеркин друг – Стасик.

– Здравсьте, а Валерка дома? – выпалил мальчик почти на одном дыхании.

– Здравствуйте, Станислав, – вежливо улыбнулась мама, – Валера, наверное, в огороде.

И мальчишку будто унесло волной. А ещё через пару минут в сених послышался топот уже четырёх ног.

– Что, прям в берёзу в поле? – услышала Вика голос брата.

– Да! Она чёрная и дымится!

– Вообще-то, – вдруг тон Валерки стал очень важным, – молния прям в наш дом попала.

– Хорош выдумывать.

– Я тебе тремя сникерсами клянусь. Смотри.

В комнату завалились мальчишки, похожие словно братья. Оба тёмные, кареглазые. Только Стасик был чуть потолще, а Валерка худой, как щепка. Их частенько путали, хоть все проказы они устраивали вместе. Но для усиления близнецового эффекта они даже старались одеваться одинаково.

– Видишь, – кивнул Валерка на стены, что поверху словно вымазали углём, – это от молнии. И света у нас нет, и телека, – на последних словах Валька помрачнел.

– У нас света тоже нет, – с деловым видом заявил Стасик.

– У всей деревни нет! А молния попала в нас! – Терпение мальчишки кончалось. – Не веришь?

– Ладно, верю. Только это – ничего интересного. У вас пожара нет, – совершенно спокойно парировал пацан.

– Да, жалко, что не загорелось, – вздохнул Валька.

– Ага, а берёза на горе горит! То есть, сгорела уже, пока мы тут болтаем. Поехали смотреть! – И Стасик, схватив друга за локоть, утащил в сени.

– Мам, мы на гору, до берёзы, – успел крикнуть Валерка на ходу.

– Осторожнее!

Мамино напутствие, если и было услышано, то только как пустой звук.

Солнце уже всюю припекало, возвращая лето, словно и не было никакой грозы. Когда мама и Вика вышли на улицу, пацаны уже были в дальнем проулке. Мелькнули их ярко-синяя и голубая футболки, блеснули спицы и мальчишки скрылись за поворотом.

А на склоне далёкого холма чернела царапина, словно кто-то неудачно черкнул тушью на безупречном, жёлто-зелёном полотне великого художника Июня. В редко-облачное небо от царапины поднимался серый дымок.

А раньше там росла берёза. Огромная, старая, раскидистая. Берёза – загадка, берёза – призрак, луговая забава фата-морганы. Такая далёкая, что в полуденном зное крона дерева расплывалась неясными синими очертаниями. Поутру крутой склон холма закрывал её от восходящего солнца, закрашивая малахитовой тенью весь луг до самого леса. И лишь на закате берёза одевалась золотисто-персиковой пылью и становилась реальной. Теперь на её месте остался лишь обугленный, дымящийся ствол.

Вика с лёгкой грустью осознала, что очень завидует мальчишкам. Нет, сгоревшее дерево её не интересовало, а вот возможность сбежать куда глаза глядят, ехать пока не занемеют запястья, крепко держащие руль, пока не зануют икры на крутом подъёме, пока не появится из-за склона новая гора или стремительный спуск, манила и не давала покоя.

– Мам, я тоже поеду кататься, а одежду завтра разберу, ладно?

– Пригляди там за мальчишками.

– Вот ещё. Не маленькие.

Озеро с часами.

Во дворе Вику ждал старенький, но крепкий, ещё папкин, с «высокими» колесами велосипед «Десна». Сколько было восторженных вздохов и радостных визгов, когда она – пятилетняя, восседая на детском сиденье впереди, вцепившись в руль где-то посередине, и папа, уверенно и спокойно крутящий педали, меряли оборотами звёздочки все тропки и дорожки деревни. А потом девочка научилась кататься сама и получила велосипед в наследство.

Ах, эти велосипедные путешествия. Лет с одиннадцати, когда Вике было разрешено «заглянуть за горизонт», они стали единственным её развлечением в деревне. Конечно, в соседнем Колково по выходным устраивали сельские дискотеки, но Вику туда совершенно не тянуло. Пить пиво и общаться с местным контингентом – сомнительное удовольствие. Вике больше по душе были головокружительные и сердцезамирательные спуски с крутых окрестных гор и подёрнутые голубоватой дымкой новые загоризонтные пейзажи.

На дискотеках в Колково тусовались в основном ребята и девчонки с Центральной улицы, ну и те, кто входил в их компашку. Вика себя к таковым не относила, хотя сосед и друг детства – Андрей раньше часто звал её с собой. Но они, с лучшей подружкой Яной, гордо подняв носики, закатывали глаза и с демонстративным пренебрежением высказывали своё городское «фи» на эти колхозные развлечения.

На самом деле это был протест, вызов всей деревенской тусовке.

В четырнадцать это казалось невероятно круто – плыть против течения. В семнадцать – выпендрёжной глупостью. Но ведь это совсем не повлияет на их дружбу с Андреем. Именно дружбу, без малейшего намёка на романтику.

Вика немного грустила о счастливом детстве, когда они втроём с Андреем и Яной сидели в песочнице, устраивали всяческие проказы, за что, бывало, крепко попадало, отправлялись в далёкие походы, на соседнюю улицу, а потом и в соседнюю деревню. Дружили, ссорились, мирились, проводили вместе каждые летние каникулы здесь в Высоково. Но это лето началось как-то неправильно. Обычно друзья приезжали гораздо раньше, и Вика редко оставалась здесь в одиночестве.

За околицей деревни вперёд уходила хорошо укатанная колея до соседней Камышовки. Вика не раз ездила по ней и прекрасно знала, что скрывается за каждым поворотом.

А слева дорога поднималась в небо. Змеилась по отвесному склону, вела в золотисто-зелёные поля под светлым куполом, манила неизвестностью, обещая невероятные открытия. И пугала высотой.

Вика уже собиралась свернуть на свой любимый маршрут: полузаросшую дорогу к берёзовой роще, что полого спускалась по краю оврага, мимо клубничных полей и выходила к дере-

венским выселкам, как вдруг заметила на самой вершине холма мальчишек. Валька и Стасик махали ей и энергично звали за собой. Пожав плечами, девушка решила на сложный подъём. Стоило ей свернуть на этот путь, как мальчишки тут же пропали из вида, вероятно, нырнув вниз по противоположному склону.

Мышцы загло уже через пару оборотов звёздочки. За зиму Вика отвыкла от велосипеда, да и подъём всё-таки оказался слишком крутым. И как только мальчишки так быстро поднялись?

А на двух третьих подъёма Вика окончательно выдохлась, слезла с велосипеда и, уперевшись руками в руль, поплелась, упрямо толкая его вперёд. Ноги с непривычки занывали, то и дело притворяясь синтепоновыми, с тонкими иголками в пятках. Но отниматься им никто не разрешал.

«И если есть путь в гору – то будет путь с горы.

А если будешь спорить – то выйдешь из игры».

Вспомнилась песня из репертуара их школьной почти рок-группы. Той самой, где Ромка сидел на барабанах. Сашка и Димка стирали пальцы до крови струнами гитары и баса. А тексты и вокал были заслугой Вики. Хотя, перепевка «Ромашек» – бесспорного хита этого сезона – тоже удалась как нельзя лучше. И даже принесла им победу в районном межшкольном конкурсе. И вся их компания потом ещё долгое время приветствовала друг друга словами песни.

«Ромашки» выбрал Ромка. Наверное, именно из-за созвучия. Ро-Машки. Что-то было в этом символичное. Жаль, что Вика так поздно узнала о присутствии в списке Ромкиных любовных планов некой Машки.

Но всё уже в прошлом. Привет, ромашки, как говорится.

Только не будет теперь никаких песен. Всё останется стихами. Песни пишут счастливые люди, а стихи – удел разбитых сердец.

Вика поднялась на вершину. За спиной осталась деревня, укрытая зелёными кронами тополей. Вдалеке темнел необъятный сосновый лес, а впереди дорога обрывалась крутым склоном.

Пацанов и след простыл, чему Вика, в общем-то, не удивилась. Вполне в их духе. Позвать и свалить, не дожидаясь. И отчего она, в общем-то, не огорчилась. Прошло то время, когда они с Валькой колесили вместе по окрестностям Высоково. Брат уже давно не нуждался в ней ни как в подруге, ни как в няньке.

Но зачем тогда мальчишки звали её?

Спускаться на велике Вика не рискнула. После зимнего перерыва она немного потеряла навык экстремального вождения велосипеда и чувствовала себя не очень уверенно. К тому же, тормоза никто пока не подтянул. Совсем не хотелось ломать ногу или ещё что-нибудь в самом начале лета. А спускаться надо было обязательно. Там, внизу тусклым зеркалом поблёскивала поверхность озера.

Пацанов на берегу не было. Это Вика поняла, пробираясь по зарослям таволги. Слишком было тихо. А там, где Валька и Стасик, тихо быть не может. Ну значит, укатили дальше, к своей сгоревшей берёзе. Догоню, по макушке настучу – решила Вика, рассердившись от таких дурацких догонялок. Она оставила велосипед внизу, а сама вскарабкалась на крутой берег.

Очень странным местом оказалось это озеро.

Издаലെка, с вершины холма оно выглядело вполне обычно. А вот вблизи... Поначалу Вика просто замерла от открывшейся перед ней очаровательной картины, будто сюжета японской миниатюры. Над самой водой расплелась зелёные косы плакучая ива. Склонилась словно девушка над зеркалом, что затаив дыхание рассматривает своё отражение. Тонкие прутики, как нити изумрудных бус, ниспадали до глади пруда, продолжаясь в отражениях, через тонкую грань, сшивали в одно целое реальный мир и зазеркалье.

А на поверхности воды цвета молока и стали серело полутораметровое бетонное кольцо с зубчатыми, разноуровневыми краями. Вода стояла у самого нижнего края, готовая вот-вот ринуться вниз, но ни течение, ни ветерок не смели колыхнуть гладь и вызвать движение в этом мире тишины и спокойствия.

В сумерках будто остановилось время.

«Двадцать ноль ноль» – показал маленький, серо-зелёный экран. Двоеточие мерцало в ритме ударов сердца, а цифры застыли на месте. Слишком долго, гораздо дольше минуты висели на экране двойка и три нуля.

Слишком долго девушка носила на себе напоминание о том, кого следовало бы сразу забыть.

Вика отстегнула мягкий пластиковый браслет. Прижала к губам холодное стекло. Зажмурилась, размахнулась и швырнула часы в озеро. Не открывая глаз, услышала тихий всплеск, представила, как на поверхности расходятся круги, как вода заливают дисплей, и часы, плавно переворачиваясь, опускаются в мягкое облачко ила. А лёгкие волны уже добрались до бетонного кольца и заплеснули внутрь, нарушая неподвижность и безмолвие.

Вика села на траву, спрятала лицо в ладонях. Но плакать она и не думала. Боль прошла, словно её выжгло той вспышкой молнии, оставив в душе чистый, белый свет. Но пока ещё было жаль той беззаботной лёгкости, всепроникающего счастья, что билось в груди, когда она думала, что любима по-настоящему.

Но всё это осталось в прошлом году. В прошлом – двадцатом веке. В прошлом – первом тысячелетии.

Теперь всё будет по-другому. Она стала другая.

А завтра будет целое лето... первое лето нового тысячелетия. И новая жизнь.

Вика открыла глаза, огляделась. Солнце село. Спряталось в туманных испарениях, что поднялись от перегретой за день земли. С болота потянулась холодная, вязкая тишина. Каждый неосторожный шорох далеко разносился в набегающих сумерках, стелился над водой, улетал в темнеющее небо.

Где-то за склоном берега послышался звук шагов в высокой траве. Вика решила, что это вернулись мальчишки и вскочила навстречу. Но сразу остановилась, увидев сквозь тонкие ветви ивы мужчину. Незнакомец словно крался к берегу, настороженно озираясь. Пришлось спрятаться за необхватный ствол и затаиться. Мужчина исчез под берегом, и Вика услышала приглушённый разговор.

– Наконец-то, чего так долго? – спросил кто-то. Голос скорее всего принадлежал молодому парню.

– Тихо ты, – буркнул мужчина.

– Достал?

– Достал. Ты уверен, что место надёжное?

Вика затаила дыхание. По пальцам, что вцепились в гребешок ивовой коры, пробежал длинноногий паук, и Вика судорожно встряхнула рукой, едва удержавшись от вскрика.

– Я тебе отвечаю. Сюда не ходит никто. Смотри, вот здесь будет.

– Чё-то не внушает доверия...

До самого затылка поднялись противные мурашки и лицо зажгло от страха и отвращения из-за такого нечаянного подслушивания.

– Ты сам говорил, при себе держать не можешь. В деревне тоже не вариант.

Послышался шорох, словно по бетону протащили кирпич и через полминуты из-под берега вышли двое. По зарослям таволги они молча прошагали всего в паре метров от брошенного велосипеда, но не заметили его.

С часто бьющимся сердцем Вика вышла из-за дерева. По направлению к лесу быстро удалялись две фигуры. Девушка не ошиблась, судя по телосложению, мужчину сопровождал парень. Невысокий, худощавый, в тёмной куртке с серебристой, светоотражающей полосой на спине. Широкий зигзаг от плеча до плеча – символическое изображение молнии.

Когда загадочные посетители туннеля скрылись из вида, Вика осторожно спустилась под берег. Прямо в его склоне зиял тёмный вход.

Сводчатый коридор, высотой в человеческий рост уходил вперёд, под пруд, в сторону бетонного кольца-слива. Вдалеке едва брезжил свет и гулко капали редкие капли.

Ну очень странное место, в самый раз тайники устраивать. И кому в такой глуши понадобилось строить столь грандиозное гидротехническое сооружение?

В душе боролись инстинкт самосохранения и любопытство. Хотя Вика предполагала, что здесь может быть спрятано. И от этих мыслей становилось совсем не по себе. Есть вещи, которые нельзя держать дома или спрятать в деревне.

Вика всё ещё стояла у входа в туннель, как вдруг издалека донёсся отголосок отчаянного вопля: – Ви-и-ка-а!

Тревога и страх разом сковали плечи девушки. Она рванулась назад. Непослушными, словно ватными, руками выволокла из травы велосипед и, толкая его перед собой по мокрым зарослям, попыталась побежать. Кусты таволги и колючек мешали двигаться быстрее, цеплялись за ноги и спицы, а в переднюю вилку тут же набилась куча травяного мусора. Тишина, что застыла над лугом, пугала. Только треск кузнечиков звенел в ушах. И страшнее становилось от того, что крик больше не повторялся. Из головы не выходили те двое из туннеля.

А если они бандиты, какие-нибудь отморозки и уже накачались своей химией? И чем-нибудь угрожают мальчикам? Как она сможет их спасти? Кричать и звать на помощь в такой ситуации слишком рискованно. Ведь могут прийти совсем не те, кто хочет помочь.

На глаза навернулись слёзы, и сердце от страха решило закопаться куда-то поглубже, мешая сделать очередной глоток сырого и горького от тревоги воздуха. Травостой поднялся тёмной волной, угрожая затянуть в свои зыбучие сети. Впереди чернели заросли кустов, округлыми холмиками они возвышались над сумеречным лугом. Остро запахло крапивой, и сквозь джинсы ноги царапнули тысячи тонких иголок. Велосипед странно потяжелел, Вика с усилием подтаскивала его за собой. На этом странном лугу стало совсем не по себе, настолько тоскливо и жутко, что захотелось поскорее выбраться поскорее, всё равно как, пусть даже через непролазные заросли всё сильнее сыреющей травы.

Ориентиром служили лишь темнеющие на фоне неба опоры линии электропередачи. Они цепочкой выстроились по вершине Северного холма, у Колковского леса делали крутой поворот и спускались по склону, совсем недалеко от берёзы, и уходили в сторону Камышовки. Вика хорошо знала их расположение и то, что от сгоревшей берёзы она уж точно найдёт дорогу домой.

За кустами появилась полузаросшая тропинка, трава здесь не была такой высокой, и можно было ехать. Ноги отказывались слушаться, но страх придавал сил и отключал ту часть мозга, что просто вопила от усталости. К счастью, путь лежал вниз, под горку. Уклон был хороший, так что даже педали крутить не требовалось, только руль держать ослабевшими руками, да не бояться смотреть по сторонам.

Едва затормозив, Вика спрыгнула с велосипеда. Вокруг дерева, точнее того, что от него осталось, на примятой траве валялись обгоревшие ветки, пожухлые листья, угольки и... педаль от Валькиного велосипеда. Дрожащими руками Вика подняла её. Под ногами тускло блеснул

металлический цилиндрок – сухарь крепления. Его Вика сунула в карман джинсов, а педаль пристроила на багажник. Огляделась, но пацаны словно растворились в оглушающей тишине, лишь где-то далеко за озером надсадно скрежетал коростель.

От берёзы осталась только растрескавшаяся кора, что огромными ломтями, словно кожух, стояла на узловатых, чёрных корнях, вымытых дождями из глинистой почвы. Сквозь прорехи виднелась обугленная древесина, а выше просвечивало молочное небо. Дерево выгорело изнутри.

Байка ходила про это место. Всплывала периодически через пару-тройку лет, сводя с ума деревенских искателей приключений. И каждое поколение свято верило, до определенного возраста, что место здесь заколдованное. Имя ему – телепорт. Обойдёшь берёзу три раза и окажешься там, где захочешь. Но Вика в сказки не верила, легенды проверять не собиралась и ни в каком особом месте оказаться не мечтала.

А по склону холма, теряясь в складках тёмно-зелёного бархата, спускалась к деревне едва заметная дорожка. И на ней, вдруг вынырнув из-за пологого пригорка, показались фигуры. Одна повыше и две пониже, с велосипедами.

Не теряя времени, Вика рванула вниз по склону. Ненадолго силуэты скрылись в ложбинке, потом появились снова, и теперь Вика могла разглядеть и Стасика, волочащего свой велик, и Вальку, что брёл, понуро опустив голову, и с ними рядом парня в чёрной куртке, со светоотражающей молнией на спине...

– Эй! – крикнула Вика, уже не раздумывая, – не трогай их! Слышишь? Я здесь с собакой! Казбе-е-ек!!!

До парня, видимо, донесли обрывки её гневных окриков. Он медленно повернулся, на пару секунд застыл, приглядываясь к тёмной точке, несущейся по склону, равнодушно развернулся, что-то сказал мальчишкам – Вика успела засечь их дружные кивки – и так же не спеша пошагал дальше, вниз к деревне. Через минуту Вика оказалась рядом с мальчишками.

– Что он вам сделал?! – Налетела она на пацанов. – О чём говорил? Обидел?! – Заметила в глазах брата слёзы. – Отвечайте! – Строго взглянула на тихонько шмыгающего Стасика.

– Ничего не сделал, – виновато прошептал он.

– Проводить нас хотел. – Поднял глаза Валерка.

– Куда?

– К деревне. Мы тут... – Валька осёкся, оглядываясь на велосипед без педалей.

– Искали... вот, – покаялся Стасик и отцепил с багажника гнутую железку.

– Отвалилась, пока по траве брели. Вторая где-то там. Мы тебя крикнули, а тут вот он... – Брат кивнул в сторону давно скрывшегося за склоном парня, с грустью посмотрел на велик. – Теперь мне от папки влетит, Инвайт на мою голову.

– Не влетит. – Вика порывисто обняла брата, потрепала по макушке. – Вот вторая. – Показала на свой багажник и достала крепление из кармана.

– Фу-уф! Пронесло! – воодушевился брат, – бол-спас! – выдал одно из своих фирменных сокращений. – А ты зачем про собаку кричала? И кличка такая грозная – Казбек.

Вика пожала плечами – сгоряча чего только не придумаешь. Но ведь сработало – этот парень ушёл.

А как он уходил... Небрежно и не спеша, словно хищник на своей территории. Развёрнутые плечи и капюшон куртки, чуть съехавший на бок и оттянувший воротник. Руки в карманах. Вразвалочку, снисходительно неповорачиваясь к какой-то истеричке, зовущей несуществующую собаку.

Девушка нахмурилась. Глупо она выглядела, наверное. Хотя, какая разница? Нечего переживать из-за этого начинающего гангстера. Она его наверняка больше никогда не увидит.

Пристроив педали на багажник, мальчишки унеслись под горку вниз. Стасик впереди, привстав словно в стременах, а Валька следом, едва успевая отталкиваться носками кедров и каким-то чудом чудесным удерживая равновесие.

Вика задержалась чтобы повывёрнуть траву из велосипеда и вытряхнуть мусор из кроссовок. Над бескрайним сумрачным лугом вдруг тревожно ухнул филин. Звук медленно растворился в темноте, и следом замолчали кузнечики. Даже коростель затих где-то в глуши. В наступившей тишине Вика явственно ощутила тяжёлый, тревожный гул. Будто глубоко под землёй запустилась гигантская турбина или заработал мощный двигатель. Под ногами прошла вибрация. Спустя пару мгновений эта дрожь земли почти исчезла в далёкой глубине. Осталось лишь слабое гудение, словно фон от включённой на полную громкость, но молчащей концертной колонки.

Вика оглянулась на сумрачную тропинку позади и поспешила догонять мальчишек. Всё-таки очень странное место, этот пруд с кольцом-переливом.

А дома после остывшего ужина и крепкого выговора от родителей за позднее возвращение – причём, Вика оказалась дважды виновата – она присела на краешек Валькиного дивана, легонько потрясла за плечо сопящего в стену пацана.

– Ты видел пруд? – Наклонилась она к его уху.

– Какой ещё пруд? – недовольно буркнул мальчик.

– За горой, после поворота на Камышовку.

– Не видел и видеть не мог. Нас там не было, – так и не повернувшись ответил Валерка.

– Как это не было? Вы мне с вершины Сокольной горы махали.

– Мы? – Вскинулся в постели мальчишка. – Да мы совсем другой дорогой ехали. От Колковского леса, через поле до берёзы.

– Очень странно...

– А что за пруд?

– Ничего, обыкновенный пруд в чистом поле. Спи.

– Ну Вик? – заинтересовался брат.

– Спи, завтра расскажу. – Вика укутала братца по макушку и чмокнула через одеяло.

– Ой, фу. – Валька закопался ещё глубже.

А Вика вдруг поняла, насколько она на самом деле любит этого временами вредного, но в целом доброго, отчаянного искателя приключений. Она здорово перепугалась, особенно когда увидела рядом с ним этого – из туннеля.

Но несмотря на благополучное завершение приключения, её никак не покидали тревожные мысли. От удара молнии в берёзу и в антенну было не по себе. Исчезло чувство безопасности, а реальная возможность пожара совершенно лишила спокойствия. Чужаки, спрятавшие что-то в туннеле под прудом, вызывали злость и возмущение, словно они закопали свою гадость прямо в Викином огороде. И нахальное игнорирование её этим парнем в куртке со светлой полосой добавляло в общий коктейль бешенство.

И не много ли молний для одного дня?

Но было и ещё кое-что. Воспоминания из глубокого детства, такого далёкого, что Вика и сама сомневалась в их достоверности. Но она помнила.

Помнила светящееся кольцо в ночном небе, плохо скрытую тревогу в глазах бабушки и собственный пронзительный плач от сильного детского испуга. Всё это было с ней?

– Не бойся, милая, не бойся, это просто гроза такая, – успокаивала Вику бабушка.

Но в тёмно-синем небе продолжало пульсировать электрически-фиолетовое кольцо. В небе с восточной стороны, где-то там, над обнаруженным сегодня очень странным прудом.

Спасатель.

– Ну, ба-а, я не хочу-у, – слышалось сквозь сон из кухни.

Вика едва приоткрыла глаза, похлопала по стулу у кровати.

Сколько же время? И где часы? А точно... в пруду.

– Ну сколько можно его пить? – занывал на кухне Валерка, – меня Стасик ждёт.

Пока Вика одевалась и заправляла постель, братец умудрился улизнуть обратно в комнату, оставив нетронутой чашку молока, что заботливо налила бабушка.

За завтраком бабушкой же, в свете последних событий, было принято решение о продаже молока. Излишки всё равно не съедались, даже в виде творога. Для этого было составлено объявление и после завтрака состоялось торжественное наклеивание тетрадно-клетчатого листочка на стену деревенского магазина. Церемонию проводили Вика и мама, а Валька стоял рядом и с невозмутимым видом ожидал покупки мороженого. Ещё и горд был, ведь именно благодаря ему у них теперь есть маленький семейный бизнес.

Мороженое холодило губы, а лицо обдавало жаром позднего июньского утра. Вика возвращалась из магазина знакомой с детства дорогой.

Асфальтированная, потрескавшаяся, она словно мост соединяла две улицы. Нижняя, на которой жила Вика – ещё сохранила очарование старины и радовала глаз деревянными кружевами цветных наличников и карнизов, просторных крылечек, резных дощечек заборов, раскидистыми букетами пионов в полузаросших палисадниках. А центр села облюбовали приезжие богачи, выстроившие коттеджи в живописной тихой деревеньке с минимально необходимым уровнем «цивилизации». Как то: магазин с полным городским ассортиментом, телефонная сеть, что странным образом до сих пор работает и даже асфальтированная дорога. По старой памяти местные называют её Трассой, хотя пробки на ней случаются только из-за упрямых коров, а в вечерний час пик нередко ДТП из одних только велосипедистов.

Село Высоково нашло себе удобное местечко меж двух гряд высоких холмов, что тянутся с северо-востока, от бескрайнего соснового леса, на юго-запад, до березовых рощ с опушками покосных лугов. А у их подножья приютились полторы сотни домов, разбежались на две улицы и хутор за черёмуховым болотом. Петляющий среди зарослей ручей, что в былые времена гордо именовался рекой Миянгой, за лето покрывался ковром ряски, пересыхал, лишая пацанов рыбалки. Единственный деревенский пруд Жерелка с илистым дном в жаркие дни превращался в котелок с мутным бульоном. А в прохладную погоду и по вечерам из прибрежных зарослей доносился хор возмущённых лягушек.

Вика подумала про пруд с кольцом-переливом и обрадовалась, что брат благополучно забыл про него. Купание в неизвестном водоёме, к которому регулярно навещаются подозрительные личности, никак не походило на безобидные летние развлечения. Хватит с мальчишек и деревенского.

Валька с тоской посмотрел в его сторону, перевёл взгляд на маму.

– Даже не думай, вчера вечер был холодный. – Мама угадала его мысли, даже не взглянув на сына. – Вот постоит тепло дня два и пойдёшь купаться.

Дня два! Это ж целая вечность.

– Ничего, лето длинное, успеете отмокнуть в этом болоте. – Мама продолжала читать мысли, но свои ответы предпочитала озвучивать.

А на повороте с Трассы Вальку поджидал Стасик. Нетерпеливо перетаптывался, глаза горели предвкушением новых проказ.

– Только в воду не лазить! – Строгое мамино напутствие долетело до мальчишки лёгким дуновением ветра.

Ребята были лучшими друзьями и отличными хулиганами. Отпетыми, как признавались сами, едва ли понимая смысл этого слова. Деревенские кошки, завидев эту парочку, спешили скрыться с глаз, собаки, осторожно помахивая хвостами, торопливо удалялись по неотлож-

ным собачьим делам. Косари с матюгами разбирали поставленные посреди покосов шалаши; рыбаки, ругая мальчишек на чём свет стоит, вытаскивали из пруда связки пенопласта – погибшую во время ожесточённых боёв флотилию; а бабушки загоняли домой малышню, едва ребята показывались на улице. Справедливости ради стоит сказать, что мальчишки, в общем-то, были добрыми и зря никого не обижали, просто иногда так получалось. Да и не только они хулиганили в деревне, мало ли другой шпаны. Но все подвиги безоговорочно присваивались им, так как не было в деревне персонажей более шумных и колоритных.

А ещё Валерка рос полной противоположностью сестры. И внешне, и по характеру. Вика отличалась спокойствием и строгостью, частенько излишней. Эта правильность иногда раздражала её саму, но стоило куда-нибудь «влипнуть», как события начинали развиваться по сценарию фильма-катастрофы. Вообще, Вика считала, что ей везёт. Как утопленнице в банный день. Особенно на всякие приключения. Вчерашняя история тому пример.

Телевизор, кстати, помог починить сосед. А проводку заново сделал папа, чертыхаясь и проклиная грозу, провода, производителей крепёжных изделий и неправильные углы деревенской избы. Только в сенях наладить освещение так и не получилось. Проводка, как ни странно, была цела и невредима, но ни замена лампочки, ни перебранный выключатель не помогли.

После родители долго собирались, а потом взяли и быстро уехали в город. И сразу стало как-то тихо и тоскливо. Лучшая подружка Яна должна была приехать ещё вчера, но пока от неё – ни слуху, ни духу. А уж про приезд Андрея и подавно ничего известно не было.

Данные обстоятельства серьёзно удручали. Потому что Вика рассчитывала хоть как-то отметить своё семнадцатилетие. С друзьями. А они так вот вероломно решили не приехать вовремя. И даже не удосужились сообщить об этом. А до праздника оставалось всего два дня.

На клубничной грядке под широкими тёмно-зелёными листочками прятались две крупные ягоды. Самые первые. Для Вики и Валерки. Наверное, как раз должны были поспеть ко Дню Рождения. Вика обожала клубнику, любила её за раннеспелость. За то, что она уже радовала своим кисло-сладким вкусом и непередаваемым ароматом, пока до остальных ягод было ещё далеко.

Садовую клубнику деревенские звали викторией, так уж повелось. И Вика с детства гордилась, что в тёзках у неё самая вкусная ягода. Точнее хотела бы гордиться, потому что на самом деле, носила совсем другое имя. Настолько редкое и вычурное, что заставляло свою хозяйку, стесняться и сокращать его до всем привычной «Вики».

От скуки Вика вывезла из двора велосипед. Её больше не тянуло в путешествие, она лишь прокатилась по центральной улице села, уговаривая себя, что некоторое общение с приятелями ей совсем не повредит. Но уговорить не получилось, то ли, потому что знакомых девчонок она не увидела, то ли, потому что ей повстречались только друзья Андрея: Макс и Ден – весёлые, но уж слишком отвязные личности. Ради приличия Вика махнула рукой и сделала вид, что очень спешит.

По пути домой она решила выцепить брата, который – кто бы сомневался! – был на пруду.

Но совесть его должна быть чиста. Следуя повелению матери: в воду не лазить, мальчишка пересекал водоём на плоту.

В старый деревянный поддон были напиханы пустые пластиковые бутылки, пенопласт, ещё какой-то плавучий мусор. В целом конструкция удерживала парнишку, хоть временами крен был серьёзный. А он, довольный, с чувством превосходства, отталкиваясь от дна шестом, плыл в сторону заводи с жёлтыми кубышками.

Кроме сестры, с берега за Валькой смотрела ещё одна пара ярко-голубых, огромно распахнутых глаз. Девчушка лет пяти неотрывно следила за отважным прудоплавателем, ловила

каждое его движение. Она глядела с восторгом и трепетом, то и дело заправляла золотистые вьющиеся прядки за ухо, а бессовестный ветер снова высвобождал их, закрывая желанный образ.

А ещё среди прочей вопящей от восторга малышни, сидели на полотенце две девочки постарше, примерно Валькиного возраста. Хихикали, пряча лица, украдкой посматривали на Валерку, пересыпали тёплый песок в ладошках. В их глазах и улыбках явственно читалась насмешка, приправленная лёгким презрением, снисходительное ожидание чужого грандиозного кораблекрушения.

Пока Вика рассматривала девчонок, по берегу пронёсся вздох, словно ледяной вихрь, и разом наступила тишина. Только перевёрнутый вверх тормашками плот покачивался на лёгких волнах.

Вика ждала, что вот-вот рядом покажется мокрая и довольно фыркаящая физиономия брата, но вода всё успокаивалась, успокаивалась... Нет-нет-нет, он же умеет плавать. Текли бесконечно длинные секунды. Раз... два... три... давай же, вынырни... пять... нет, так не бывает...

– Валька!!! – грянул отчаянный крик над притихшей водой. Ноги не сразу послушались, Вика поскользнулась на глине, неуклюже побрела по мелководью, плохо представляя, что происходит. Это в кино спасатели бесстрашно бросаются в воду, ныряют, подхватывают у самого дна бездыханное тело и поднимают его на поверхность. А она не спасатель...

– Валька! Валька! Валька, – голос дрожал и срывался. Плот безмолвно качался впереди, а малышня на берегу затаила дыхание. Слёзы застилали глаза, сердце забыло свой ритм, мечась и теряясь в огромной грудной клетке. Вода колыхалась у самого рта, а мокрая одежда стягивала тело. От страха совсем не было сил плыть. А плот всё также качался, качался, качался...

С противоположного берега кто-то с разбегу бухнулся в воду, подняв сноп брызг. От слёз всё расплылось мутной радугой. Вика не могла остановить безумную чечётку зубов и рассмотреть, кто решил прийти к ним на помощь. Только резкие взмахи рук, сверкающие на солнце брызги, истерические крики с берега:

– Смотри! Он сейчас его вытащит!

Впереди словно прошёл военный крейсер, в мгновение добрался до плота, нырнул и всё затихло. Снова долгие секунды убийственной тишины и вот на поверхности словно вырос бугор и тут же прорвался двумя тёмными головами.

Вика смотрела широко раскрытыми от ужаса глазами, как её Валерку подтянули к берегу, перекинули через плечо, вынесли. Как его руки безвольно повисли, а потом так же безвольно упали вдоль тела, когда мальчишку положили на песок. Какие-то кукольные, неживые руки. Неживые... Нет!!!

Девушка бросилась рядом на колени, принялась вытирать лицо, хлестать по щекам, бесконечно приговаривая:

– Ну-ка дыши, слышишь? Открывай глаза, пожалуйста, Валера, посмотри на меня, дыши, живи!

Она стукнула его по груди.

– Да подожди ты. – Кто-то резко оттолкнул её. – Воду вылить надо.

Какую ещё воду? Вика плохо понимала происходящее, кроме того, что её брат... умирает?

Вальку перевернули на живот, перекинули через коленку, и изо рта у мальчика полилась на песок струйка воды. От уверенного толчка в спину вылились последние порции, и Вика услышала судорожный вздох. Жуткий, булькающий кашель сотряс тело. Парень усадил Валерку и оставил на попечение сестры.

Валька неглубоко и часто дышал, из лёгких слышались мокрые хрипы.

– Вик, у меня всё норм... – прошептал он наконец и откинулся на горячий песок.

Вика зарыдала, закрыв лицо руками. Незвестный спасатель молча ушёл. А потом и все остальные разбрелись по домам. Купаться в тот день больше никому не хотелось.

Вика долго сидела на берегу, обнимая брата, пыталась унять дрожь и свою и его.

Деревенская молва быстро разнесёт по дворам, что на Жерелке в воскресенье чуть Белов Валерка не утонул. И уж, конечно, об этом рано или поздно узнает бабушка. И поэтому уж лучше сразу самим...

Бабушка хлопотала на кухне.

– Бабуль, – скромно начала Вика, – там на пруду ЧП небольшое произошло.

– Я просто решил пошутить, – подключился Валерка, – всех напугать, как будто я утонул.

Бабушка сдавленно охнула и села на табурет.

– Но это всё понарошку, – перехватила Вика, – правда, всё в порядке, – голос предательски дрогнул.

– Тебе мать что велела? – Бабушкин тон не сулил ничего хорошего.

– Я в воду не лазил, я за кувшинками, на плоту. Для Алёнки...

– Вот родители приедут в субботу, они тебе таких Алёнок покажут! И Маринок добавят!

– Не, Маринка ничего не просила, она только рядом стояла. – Помотал головой пацан.

Отложенное наказание совсем не испортило теперь уже беспредельно радостного настроения брата. Он снова был горд собой. Ведь ради девчонки он – ни много, ни мало – жизнью рисковал.

А Вика пыталась вспомнить его спасателя. Высокий парень, чёрные плавки, мокрые волосы, так что не понять ни цвета, ни длины. Лицо... Вика мало что видела сквозь слёзы и яркие лучи солнца. Только когда он уходил, Вика успела рассмотреть широкую спину, развёрнутые плечи героя... Да, сегодня, он по праву им считался. И не требовал признаний и благодарности. Но пока он был рядом, выносил пацана на берег, переворачивал, словно игрушку, выливал из лёгких воду, от него исходило такое спокойствие и уверенность, что Вика даже перестала плакать. Это потом её накрыло, после его ухода, накрыло осознанием возможной непоправимости и собственной трусости и беспомощности.

Валька застрял под плотом, испугался, стукнулся головой и тут же хлебнул воды. Дальше он помнил только горячий песок под спиной и заплаканное лицо сестры, склонившейся над ним.

Всё-таки, как хорошо, что этот парень оказался рядом.

Только Вика не могла ответить ровным счётом ничего вразумительного на настойчивые расспросы брата о своём спасителе. Высокий, сильный, спокойный – всё, что ухватила её память. А пришедший после Стасик лишь горестно сокрушался. Ведь на самом интересном месте его позвали обедать. А он бы тоже, за кувшинками для Маринки, или ещё для кого-нибудь. В общем-то, он и сам бы жизнью рискнул и друга бы спас, но не сложилось. А виной всему суп проклятый, куриный. И гречка с сосиской.

Спецрасследование, что к вечеру провели ребята и опрос свидетелей, что были тогда на берегу, не дали никаких результатов. Какой-то незнакомый никому парень, взялся неизвестно откуда, спас Валерку и бесследно исчез. Мистика высшего сорта.

Ребята уселись пошутиться на веранде, изредка поглядывая на Вику, что, заткнув уши наушниками, листала привезённый ещё в прошлом году молодёжный журнал. Но именно азартный блеск в глазах ребят и их осторожные поглядки в её сторону, заставили Вику убавить громкость.

– Я тебе отвечаю, это точно телепорт! – Стасик видимо устал доказывать, поэтому перешёл на повышенные тона, и его было хорошо слышно.

– Хорош выдумывать, – зашипел на него Валерка. Вика скорее прочитала по губам, чем услышала.

– Не веришь – поехали проверим. Три раза против солнца – и окажемся там, где захотим. Спорим?

– Ага, поехали. Ты будешь должен мне пять жвачек и пружинку на два вечера.

– А губа не треснет? Хотя, это ты мне будешь должен, потому что я прав. Итак, Сникерс большой и...

– Никуда никто не поедет! – Вика вовремя вспомнила о бродящих в тех местах бандитах. – Никаких берёз, телепортов, прудов и прочего!

– А подслушивать нечестно! – рассердился брат.

– Вы на весь дом кричите, так даже мёртвый услышит.

Валерка насупился. Стасик собрался и уныло побрёл домой. А Валька до ужина так и просидел в Тетрисе.

Распределив всех коров по дворам, пришёл с работы дедушка, принёс пакет зелёного, сочного щавеля, и полкружки ароматной, пока ещё белобокой земляники.

Стоило бабушке вернуться со двора с большой кастрюлей молока, как в дверь постучали. Валерка рванулся встречать неожиданных гостей, но оказалось, что это уже сработало бабушкино объявление. На пороге появилась знакомая тётушка, что жила на другом конце Викиной улицы.

– Ой, Людмила, здравствуй, – обрадовалась бабушка, – что это ты, за молоком? Аль приехали к тебе?

– Приехали, приехали, – радостно отозвалась покупательница, – я в среду к вам внучонка пришлю, поглядите.

Вика тут же почему-то представила толстенького, розовощёкого первоклассника, а женщина загадочно улыбнулась.

Бабушка налила в банку молока, и Валерка бросился провожать свою первую покупательницу.

– Валера, возьми фонарик, в сенях темно, – бабушкин совет лишь запутался в тюлевой занавеске на входе.

Через минуту пацан уже снова был на кухне, довольный, словно кот в сметане.

– Бизнесмен. – Потрепал его по макушке дедушка. – Ты бы ещё доставкой на дом занялся.

– Идея! – обрадовался паренёк, – десять процентов от суммы заказа.

Бабушка с Викой только усмехнулись. Валька поставил перед собой кружку с земляничкой.

– Вик, а что за пруд, про который ты мне вчера говорила?

Вика успела ухватить несколько ягод и бросить себе в чай.

– Под горой, после поворота на Камышовку. – Как можно более равнодушно пожала она плечами. – Ива там на берегу красивая.

Вика знала, что братца совсем не привлекают «всякие красивенькие пейзажики», поэтому решила сделать упор именно на это, а не на бетонный слив, который непременно заинтересовал бы пацана.

– Мало тебе прудов-то? – Погрозила пальцем бабушка, и Валерка сразу тихонько улизнул в комнату. Судя по звукам, сосредоточился на Тетрисе.

– А правда, что там за пруд? Такой странный. – Вика отхлебнула чай, зажмурилась от любимого ягодного аромата.

– Пруд, говоришь? – усмехнулся дедушка, – это, милый, верно сначала была воронка от какого-нибудь снаряда фашистского. С самолётов несколько десятков бомб скинули.

– В поле? Что там бомбить?

– Да кто их знает? Неспроста, верно. И Заря там выросла не просто так.

– Заря?

– Мясокомбинат «Заря», – излишне строго вмешалась бабушка.

– Зброшенный, – добавил дед.

– Бандиты да пьяницы там шастают. – Бабушка ещё строже посмотрела на деда. И он перевёл тему:

– А в овраге жили давным-давно разбойники. Да не простые. Среди них женщина была – ведьма. Звали её просто Баба. Сам главарь банды её побаивался. Так что и их самих и овраг с тех пор Бабим прозвали. Но золото она больше всего любила. И столько они его наворовали – тьма. Где-то там клад зарыт, заговоренный.

– Да, а немцы своей бомбёжкой все клады перепахали и заговоры разговорили, – рассердилась бабушка, – что ты ей сказки глупые рассказываешь. Всё, ну-ка, марш спать, – скомандовала она.

Дедушка приставил палец к губам и покровительственно кивнул. Вика торопливо сполоснула кружки, хотела спросить про светящиеся кольца в ночном небе, но взглянув на бабушку, решила оставить расспросы на потом, без свидетелей.

– Ты бы ещё про Григория рассказывать начал, – услышала Вика, когда вышла в сени, – или про эксперимент.

– Так шила в мешке не утаишь, Чаша рядом и разговоры до сих пор ходят.

Вика очень плохо спала, просто отвратительно. Поначалу вообще уснуть никак не получалось. События последних двух дней нагроулили негативом. А она так надеялась отдохнуть. Отдохнуть в последние беззаботные каникулы перед началом одиннадцатого класса. А тут, оказывается, рядом с деревней есть брошенный завод, в туннеле под прудом кто-то что-то прячет, из-под земли слышится гудение, есть какая-то Чаша и эксперимент Григория. И брат чуть не утонул. И так и неизвестно, кто всё-таки его спас.

Весёленькое начало. Раньше каникулы гораздо спокойнее проходили. А теперь? Это она повзрослела? Или может двойка и три нуля виноваты? Двадцать ноль ноль – это вам не девяносто девять.

Устав думать всякую чушь, Вика наконец уснула. Ей приснился Ромка, такой красивый, весёлый, влюбленный только в неё. Почему-то он был здесь в Высоково. Они вместе ехали куда-то на мотоцикле, спасали маленькую девочку, ту самую, что Вика видела на пруду. За ней гнались то ли бандиты, то ли Бабы разбойники. И Ромка спас их обеих. Но теперь это был уже совсем другой парень. Незнакомый и знакомый одновременно. С пронзительно печальной злостью чужак смотрел на Вику и от его взгляда по телу бежали мурашки, превращались в чёрных гусениц и стекали каплями мазута. А его глаза... Таких глаз Вика никогда не видела, взгляд – словно солнечный луч из-под тёмной тучи. Тревожный и опасный. Но Вика просто ушла от него по ярко-зелёному полю и девочку за руку увела. Она так явно чувствовала её теплую ладошку в своей ладони. Но вдруг её рука оказалась испачканной мазутом и легко выскользнула. А Вика провалилась куда-то вниз. Тёмный коридор, запах сырой земли, извести, бетонной пыли. Кафельный хруст, гулко разносящийся в непроглядной тьме бесконечных подземелий. А позади – чьё-то прерывистое дыхание и шёпот. Или шорох огромных кожистых крыльев...

Звуки июньской ночи проникали сквозь распахнутое окно, но среди них не было ни одного, что мог бы озвучить этот странный сон.

Телепорт.

– Опять эта ужасная жара... И морковь... И ещё неизвестно, что ужасней.

Валерка сидел у грядки, ныл, перебирал выдернутые сорняки, но ни капли не помогал, только на нервы действовал. Хотя настроения у Вики и так не было.

Дедушка с утра пораньше снова ушёл на дальний выпас, а, значит, и вернётся поздно, поэтому расспросить его про завод опять не получится.

Утренний поход в магазин обернулся встречей и даже некоторым общением с Максом и Деном. Ребята обычно были в курсе всего, что происходит в деревне. И пользуясь случаем, Вика хотела выяснить, кто же всё-таки спас её брата. Итогом разговора оказалась настойчивая рекомендация сходить с ними вечером в Колково. И там они её лично познакомят с самыми классными спасателями тонущих детей. С любыми, на выбор.

Впрочем, ничего удивительного, с ними всегда так. Все разговоры сводятся к гулянке. А так, конкретно, они ничего не знают. Новенький какой-то, приезжий.

Несолоно хлебавши, Вика вернулась домой, с досады прихватила с собой братца и усадила его полоть морковь.

– Ещё и мухи кусачие, над ухом прямо жужжат...

– Слушай, Валёк, вали тогда, не действуй мне на нервы, – не выдержала Вика, и мальчишка тут же быстренько смылся.

Постфактум Вика сообразила, что это был план побега. И даже, вполне вероятно, ребята решили ехать к сгоревшей берёзе. Но ей уже порядком надоело быть нянькой. В конце концов, никаких телепортов не существует, разбойники-бандиты не разгуливают на каждом шагу. Главное, чтобы в пруд не полезли. А так, пусть катаются.

Но к обеду Валерий вернулся будто сам не свой. Глаза то ли испуганные, то ли хитрые, или виноватые. Всего понемногу. Футболка мокрая, будто под дождь попал. И молчит. Только выпросил у бабушки денег на большой Сникерс и уселся с Тетрисом на крылечке.

– Ты где так промокнуть сумел?

Вика расправила его сырую футболку на спинке стула.

– Вспотел. А ты когда вернулась?

– Откуда?

– Да мы вроде видели тебя у Сокольной горы...

– Я никуда не ездила. Я, вообще-то, грядку полола, с которой кое-кто нагло улизнул... Нет, как так можно было... – Вика всё шупала футболку, подумывая: сразу стирать, или сначала высушить? Но Валька вдруг резко вскочил с диванчика. Протиснувшись мимо, буркнул:

– Подумаешь, вспотел немного. Жарко же!

В сенях Вика услышала разговор соседки тёти Али – Янкиной бабушки. Она узнала старушку по голосу.

– Ой, Инна, ну что с телевизором творилось. Экран серый и светится. Лампочка еле горит и гудит так, низко гудит. Потом ка-ак хлопнет. И всё погасло! Вот что делается? Так ведь и холодильник накроется!

Бабушка в ответ только охала и вздыхала.

– Да и у нас света нет, – услышала Вика после щелчка выключателя, – да в сенях уж неделю не работает... Гроза, будь она неладна. Я стирать собралась, а тут поди ж ты...

– Ну что они там, эксперименты, что ли, какие? Али воруют? Ладно, в нашем доме электрик жил хороший, вся проводка по уму, и то страшно...

Женщины прошли в кухню, а Вика снова отправилась на прополку моркови. Надежду на помощь от брата она похоронила ещё утром. На этой самой грядке и закопала.

Обрадованный таким неслыханным попустительством со стороны сестры, Валера снова забился на диванчик, вцепившись в Тетрис.

На самом деле, мальчишка ни за что бы не признался, что именно произошло. Какой смысл? Всё равно никто не поверит. Он и сам бы не поверил.

Утром он так обрадовался, что смог удачно улизнуть. Совсем без подозрений со стороны Вики. А Стасик – умник. Он ничего бабушке про телепорт и даже сгоревшую берёзу не рассказывал, и та отпустила его. Покатайся, милый, конечно. Только смотри не упади, и далеко не уезжайте.

Ха-а. Далеко.

– Свобода! Вот это я понимаю – начинка от «Баунти», – хохотал мальчишка, обогнав на лёгком подъёме Стасика.

– Будет тебе райское наслаждение, когда телепорт сработает!

Стасик поднажал и на вершину они вырулили вместе.

Из-за склона уже виднелся обугленный остов берёзы. А чуть позади гордо возвышались чёрные сетчатые опоры ЛЭП. Их плечи держали невообразимую тяжесть и мощь. В застывшем горячем воздухе звенело напряжение.

– Слушай, а что значит – против солнца?

Валька прислонил велосипед к стволу, проверил крепление педалей – новая необходимость уже слегка переросла в привычку.

– Ну... – задумался Стасик, – солнце идёт с востока на запад, так? Если отсюда, то справа налево.

– Ага, – Валька развернулся на сто восемьдесят градусов, – а отсюда – слева направо!

– Подожди. – Стасик сосредоточенно посмотрел на берёзу. Потрогал чёрную кору, отколупнул уголёк. – Если против солнца, значит мы должны стоять с той стороны, чтобы оно было за берёзой. И идти против его движения... – Стасик сделал пару неуверенных шагов.

– Стой, – Валька ухватил его за руку, – давай на всякий случай велики будем держать. Мало ли, где мы окажемся?

За спиной друга Валерка заметил струящийся от перегрева воздух. Слово тонкий слой воды сливался по прозрачному стеклу.

– А, кстати, где? Это тоже надо придумать, – Стасик встал в театральную позу, – ну я бы конечно не против оказаться на лазурном берегу Франции... Нет, лучше на месте раскопок древних египетских пирамид. Нет! Я хочу в Исландию...

Валерка смотрел на друга скептически.

– Давай, для начала, чего попроще загадаем. Всё равно ведь не сработает.

– Чего тогда в велик вцепился? – прищурился Стасик.

– Да ничего я не вцепился, видишь, уже не держу.

Мальчишка снова прислонил велосипед к пустотелой берёзе.

А спиной у Стасика всё так же что-то струилось, перетекало. А дальше в зелёном поле, ещё совсем недавно сверкавшем в солнечных лучах, вдруг потемнело. И дальний лес, и деревца на склоне оврага стали блёкло-серыми, словно на старой фотографии. Валька мотнул головой, пытаясь прогнать наваждение.

– Ладно, чё стоишь? – Стасик потянул его за собой вокруг ствола. – Раз!

– Подожди, там что-то очень странное, – Валька махнул рукой в сторону оврага.

– Два-а, – Стасик уже обогнул ствол и тянул друга за собой.

– Да посмотри ты в поле!

– Три...

Пацаны резко остановились перед водянистой стеной, выросшей так внезапно. За прозрачной, струящейся границей шумел дождь. Сквозь пелену расплывались знакомые очертания окрестностей.

– Чё за финики?... – почти одновременно выдохнули мальчишки и тут же их накрыло ледяным ливнем. По плечам застучали мелкие градинки и в такт им застучали зубы. Футболки и шорты махом промокли, холодные струйки потекли по голым ногам прямо в кроссовки. На повисших сосульками чёлках задрожали прозрачные капельки. У Валерки мучительно заныл затылок, а Стасик чуть присел, прижав ладони к вискам:

– А-а, голова-а...

– И ноги отнимаются, – удивлённо выдохнул Валька.

– Не, мы это... Мы не так... – промямлил Стасик. Валерка схватил друга за руку и зажмурился. Почему-то подумал о Сокольной горе. Но не успел осознать эту мысль, как услышал звон и грохот падающих великов и ощутил приятное тепло.

Дождь разом закончился. Засияло солнце, тёплый и сухой ветер укутал ребят словно душным полотенцем, но это было почти райским наслаждением.

– Это мы где? – Стасик пялился на два велика лежащих у ног в пыли. В пыли дороги, что вилась по крутому склону Сокольной горы, – Ни чё се... – наконец выдохнул он.

– Это я подумал, – едва слышно сказал Валька, поднимая свой и Стасиков велик.

– Чего ты подумал? – не понял Стасик.

– Я подумал, о вершине Сокольной горы...

– Так это он нас... Перенёс? Телепорт работает?!

Стасик зажал ладонями рот, будто боясь, что за такие слова, друг обзовёт его сумасшедшим. Но Валерка лишь едва качал головой.

– О, смотри-ка, а там Вика едет, – Стасик кивнул вниз и принялся размахивать руками.

У подножья холма Валера увидел фигурку сестры, тоже неуверенно махнул. Но вдруг опустил руку и шагнул назад.

– Ой, нет, слушай, поехали скорее домой, – он оттащил велик подальше от склона, – только через Колковский лес. Если меня Вика в таком виде встретит... Скажет: опять купался! Поехали короче, быстрее!

Ребята понеслись вниз с противоположного склона так быстро, как только могли, рискуя свалиться от любого случайного камня под колесом. Не сговариваясь, повернули на разбитую колею вдоль леса, вихрем пролетели по деревне. Ветер сушил волосы и одежду, но та снова пропитывалась потом. От усилий, приложенных к педалям и от ошеломляющей мысли о сработавшем телепорте у сгоревшей берёзы...

Всю дорогу до дома ребята не разговаривали. Лишь перед расставанием у дома Стасика понимающе кивнули. Молчать будут оба. Друзья это точно знали. Какой смысл? Всё равно никто не поверит. Ведь никаких телепортов не бывает...

Часам к четырём Вика почти дополола грядку. Ей остался маленький кусочек, ну просто очень заросший лебедой и колючками. После небольшого отдыха и чая она решила выйти на улицу.

На лавочке перед домом сидели Валерка и Стасик, хихикали, что-то обсуждая.

– Секретничаете?

– Да нет, – махнул рукой Стасик, – я вот Валерке рассказываю про соседа, а он не верит.

Вике показалось, что брат немного удивлённо посмотрел на друга, но не придала особого значения.

– А что за сосед?

– Да приехал тут новый парень, никогда его раньше не видел. Сегодня с утра на моём турнике тридцать раз подтянулся и пошёл как ни в чём не бывало. Я считал, честно – тридцать раз.

– Парень?

– Ну да, твоего примерно возраста, Алексеем зовут, симпатичный, – добавил Стасик, хитро прищурившись. Валька опять захихикал.

– Ну и что? – вздохнула Вика, – дураки вы оба, меня качки пустоголовые не интересуют, – и демонстративно ушла в огород. Её ждала грядка моркови.

Желание.

Вику разбудила бабушка. Совсем не поздно, часов в одиннадцать. И хоть Вика никогда и не спала до обеда, в этот раз ну очень не хотелось открывать словно мёдом склеенные веки. Пришлось.

– Надо бы к тётё Нине съездить. Тут ей письмо, и вот ещё передашь, вещички кое-какие. В пакете уже лежал аккуратно упакованный газетный свёрток.

После завтрака кое-какие вещички удачно расположились на багажнике, крепко стянутые пружинками. Со вздохом Вика отправилась в путь.

Соседнее село, где жила бабушкина подруга, носило сообразное название Вышкино. И не раз в голову приходил вопрос, отчего два соседних села имеют такие похожие названия. Запросто можно перепутать.

Вика не любила ездить до Вышкино, по причине слишком неудобной дороги. Болотистая местность, низина, черёмухо-гальниковые заросли. Гораздо приятнее подняться да хоть бы и на Сокольную гору, чем продирается сквозь кусты с великом, там, где под ногой чавкает даже в самую сухую погоду, а потом пилить по песчаной унылой дороге, до поворота, и через полуразвалившийся деревянный мост, пугающий своим скрипом от самых лёгких шагов. И потом в гору, конечно же в гору. Куда ж в этой местности без горы? На то оно и Вышкино.

Маленькое село, всего-то один ряд домов. Найти нужный – не проблема. За дощатым забором гавкнула собака и хозяйка почти сразу открыла калитку, едва Вика успела постучать.

– Ой, Вичка, – обрадовалась тётушка, – заходи скорее.

А Вика нахмурилась от появления суффикса в своём имени.

– Я только отдать...

– Заходи-заходи...

Ох уж это деревенское гостеприимство. Пришлось безропотно пройти на кухню. Маленькую и аккуратную, как и почти в любом деревенском домике. На деревянной этажерке громоздились сероватые стопки тарелок и цветастые кружки. Большое окно было задёрнуто узорчатым тюлем, что без конца танцевал от лёгких поползновений ветерка.

А на краешке стола лежали тонкие тетради и карандаш.

– Ну Ульяна, вечно свои книжки разложит и уйдёт, – женщина сгребла их в аккуратную стопку, переложив на лавочку у стены.

Книжки? – удивилась про себя Вика, глядя на зелёные, слегка пожелтевшие обложки школьных тетрадей. На верхней, там, где на разлинованном прямоугольнике по центру прилежные ученицы пишут имя и фамилию, было выведено: «Наброски к 2000. часть 1».

От того, что Вика аккуратно присела на другой конец лавки, стопка плавно поехала и, разлетевшись по полу, открыла взору и часть вторую, и третью, и далее по порядку, с загадочными пометками на уголках: «для 2000», «2000-nova» и грозным предупреждением: «пока не читать!»

Пока Вика помогала собирать тетради, чайник решил закипеть.

– Ульянка наша – писательница, – женщина по-доброму усмехнулась, – как знать, впрочем, может, что и получится, – чашка наполнилась ароматным чаем. – У девчонки на уме одни истории, целыми днями сидит да пишет.

Вика вежливо кивнула. Тётя Нина налила чай и себе:

– Вот бы напечатать и послать куда-нибудь, – на столе появилась вазочка с клубничным вареньем, – компьютер нужен и этот... Ну как его?

– Принтер.

– Ага, принтер. Родители к осени деньги копят. А то ведь всё у неё в тетрадочках... Ну а как там бабушка?

– Всё хорошо.

– Я слышала в ваш дом молния попала. Как вы? Справились?

Вика пожала плечами:

– Ничего, только радио до сих пор не работает. И света в сенях нет.

– Ну надо же, вот ведь как бывает. Все под Богом ходим, – женщина замолчала, что-то обдумывая. – Надо Уле про это рассказать, уж она-то историю завернёт. Как ты считаешь, Вичка?

И снова эта препротивная Вичка. Хотя и её настоящее имя ничем не лучше, выпендрёж один родительский.

– Как хотите, – улыбка получилась вымученной. А в форточку ворвался порыв ветра, отчаянно пролистал верхнюю тетрадь до середины. Хрустящие листочки были исписаны предельно аккуратным почерком, и глаза сами ухватили несколько порций текста. Стало как-то не по себе, и Вика даже зажмурилась от нечаянного подглядывания. А ведь автор просил пока не читать. Но даже не это вызвало целые острова мурашек на Викиной спине. Будто то, что там написано, было про неё.

А в памяти остался кусочек немного странного диалога:

«– Да, Вадос у нас спасатель, – хохотнул Паха.

– Спасатель?! – Вика была поражена совпадением.

– Ага, спасатель Малибу! – не на шутку развеселился Вадим. Вероятно, от принятого немалого количества пива».

Тетя Нина торопливо закрыла тетрадь и убрала всю стопку в шкаф. И это странное чаепитие, к счастью, закончилось быстро.

– Ну счастливо тебе, Вичка, – тётя Нина проводила девушку до калитки, – Бабуле привет передавай, – и протянула свёрток с чем-то плотным.

– До свидания, – кивок был скромный, улыбка почти искренняя.

Вика поспешила быстрее уехать. А по дороге какие-то мысли странные посыпались.

Вичка-почтальон. Придумают же. Писательница у них Ульяна, ага. Я, может, тоже творческий человек, вон несколько песен написала.

Воспоминания о зимних репетициях, выступлениях, о Ромке и его предательстве прошли мимо сердца, не задев его даже краем печали, словно это было очень давно и не в собственной жизни, а в какой-то дешёвой мелодраме.

А вот то, что Вика вычитала в тетрадке Ульяны слегка озадачило. Там ведь почти через строчку: Вика – то, Вика – сё. Хотя имя не такое уж и редкое. Да и вовсе не её, если честно. А те двое других? Вадос... Паха... Спасатели Малибу? Причём там спасатели, вообще?

А вот и ещё одна странность. Вот уж чудо из чудес!

Вика вернулась домой и застала брата в комнате. Валька сидел на диване с книжкой в руках. Да не какой-нибудь детской книжкой, а с учебником по физике. Викиным прошлогодним, за девятый класс.

– И что ты там собираешься полезного вычитать? – надменно усмехнулась сестра.

– Да просто интересно, – не отрываясь от учебника, буркнул мальчик.

– Ну-ка, чего это тебе там интересно? – Вика склонилась над книжкой, но братец быстро захлопнул её.

– Пойду погуляю лучше, – и исчез за дверью.

Вот чудак. Вика открыла книгу, легко потянув за обложку, так, что странички распустились веером и тут же улеглись.

У книг есть память, и, если предоставить им возможность, они откроются именно на той странице, которую недавно закрыли.

«Положение тела в пространстве. Системы координат», – с удивлением прочитала Вика. Странные интересы нынче у братишки...

День тянулся и тянулся, и никак не хотел кончаться.

А в огороде на клубничной грядке всё никак не хотели созревать две ягоды. Наливались белым соком, золотили свои семечки, но причин постыдиться всё не было...

В те самые долгие летние вечера, что тянулись перед днём Викиного рождения, солнце не торопясь, спускалось за горизонт. Утомлённо и расслабленно, словно нехотя, оно скатывалось за западный склон далёкого Северного Холма. А Вика любила его провожать, сидя на лавочке перед домом.

Сегодня грядка была прополота, посадки политы и длинный-длинный вечер радовал мягким, уютным теплом.

Ослепительное сияние на весь западный край неба чуть померкло, едва солнце коснулось нижним краем тёмной вершины холма. В лучах, что протянулись между широкими стволами лип, затанцевала мелкая, беззаботная мошкара.

В те самые долгие летние вечера можно было загадывать желания. И они непременно сбывались. Вика это знала. Всё проверено было не раз. И можно было пожелать самых невероятных подарков на День Рождения, самой тёплой и солнечной погоды и даже прекрасного принца, и настоящей любви... Смешное желание четырнадцатилетней девчонки, несмотря на подначивание лучшей подружки Яны, так и не было озвучено. И поэтому, за три года, так и не исполнилось. А вот почему Вика вспомнила об этом сейчас, она и сама толком не поняла. Губы сами прошептали:

– Я просто хочу быть счастливой. Ведь для этого не обязательно нужен принц.

Но, видимо, в офисе приёма и регистрации желаний на тот момент осталась самая молоденькая неопытная феечка, которая тоже залюбовалась закатом и перепутала все заказы...

Небо над головой уже приобрело зеленоватый оттенок, а над перевернутой огненной плоскостью образовался светящийся полукруг. Он медленно сужался, двигаясь за ускользящим за горизонт солнцем. Едва последняя искорка скрылась за тёмной кромкой, по всему западному склону неба разлилось малиновое свечение. Оно ещё долго горело, перетекая и смешивая оттенки фиолетового, пока тёмно-синяя волна с восточного края неба не погасила это сияние.

День встреч.

Вика проснулась рано и долго не могла снова заснуть. Крутилась под слишком тёплым одеялом. Размышляла о грустной своей судьбе. Судьбе не справиться День Рождения с лучшими друзьями. Как раньше, как в детстве. Очень не хватало той радости и предвкушения счастья. Если бы они приехали, то все вместе могли бы отправиться на Озерицу, как прошлый год. Далеко-далеко, на велосипедах. Это будет здорово. Они уложат в рюкзаки бутерброды и газировку. Андрей обязательно возьмёт кое-что покрепче, но бутылка так и останется неоткрытой. Всем будет весело и так. К вечеру оникупаются. На костре прямо у берега нажарят сосисок, испекут картошку. Вернутся домой затемно. И будут долго болтать вдвоём с Яной, секретничать, пока обе не начнут клевать носом.

Нет, ну это же любимое летнее развлечение. Как же они могут его пропустить? Наверняка, они на пару что-то интересное придумали. Сюрприз готовят, ага.

Счастливая и спокойная Вика снова заснула.

Едва солнце поднялось выше, горячие лучи опять полились на землю бесконечным потоком, высушивая и раскаляя землю, превращая перегретый воздух в дрожащее жидкое стекло.

После завтрака Валерка снова умотал куда-то со Стасиком. А у Вики была запланирована новая грядка. Но терпения хватило ненадолго. Тут уж действительно было очень жарко, ещё и мухи кусачие, прямо над ухом, даже в волосах запутываются.

Вика бросила своё занятие на первой трети грядки, закопав и свою совесть там же, сбегала в прохладу крылечка. Удобно устроилась на диванчике.

На комод лежала стопка скопившихся за зиму газет. От нечего делать, Вика вытянула наугад первую попавшуюся. На целую страницу в «Вашей Антенне» расположилась статья о новом научно-фантастическом сериале про подводную лодку будущего. Вика тут же зачиталась, сожалея, что этот сериал в деревне посмотреть не удастся. Нужный телеканал местные

антенны не принимали. В Высоково всегда наблюдались серьёзные проблемы с телевещанием. Хорошо хоть радио работало. До той грозы злосчастной.

А сериал – Вика видела несколько серий, ещё в городе – был действительно интересный. Немного наивный, но с потрясающими научно-фантастическими идеями...

Не привлекая особого внимания одноклассников и друзей, Вика увлекалась научной и псевдонаучной фантастикой. Хотя маскировалась под обычную девчонку, которую больше всего интересуют косметика, шмотки и красивые актёры фильмов и сериалов.

У девушки была несвойственная для большинства одноклассников тяга к знаниям. И хоть её сердце целиком и полностью принадлежало химии, в физике она тоже неплохо разбиралась. Неплохо для девушки. Или делала вид, что разбиралась. А если бы не скверный, истеричный характер «физички», у неё был совершенно другой любимый школьный предмет. Вика частенько умничала, чем невероятно доставала лучшую подружку Яну. Та имела весьма скромные познания в данных дисциплинах. Яна была в самом хорошем смысле ботаником. Не заучкой, а именно ботаником. Знала по латыни почти каждую травинку, разбиралась в медицине, большей частью народной, что по мнению Вики являлось чистым шаманством и мракобесием. Но Янка мнила себя травницей и немножко доброй колдуньей. Приходилось частенько возвращать её в реальность.

Тем не менее девочки крепко дружили, хоть и виделись в основном в Высоково на летних каникулах. Город разделял их двумя районами и отсутствием прямого маршрута без пересадок.

Не отрывая глаз от статьи, Вика дотянулась до стола, ухватила маленький радиоприёмник с наушниками. Включила, нашла любимую радиоволну «РДВ» и, заткнув только одно ухо – на случай если бабушка позовёт – растворилась в музыке. Приятная мелодия неизвестного исполнителя почти сразу кончилась и, к Викиному сожалению, следом «Руки Вверх» заняли о своей несчастной любви. Что-то про Алёшку. Девушка не любила такие слащаво-печальные песни. Ещё зимой она решила, что тема любви её больше не трогает. И она ни в кого влюбляться не собирается, ни за что. Хотя, если бы встретить такого вот симпатичного и умного, как в этом сериале... Нет, таких в жизни просто не бывает. Актёры просто играют роли, не имея ни малейшего представления о... скажем к примеру – о природе радиоволн. А те, кто реально в теме, физики-технари и всякие компьютерные гении, как правило, не отягощены стремлением к общению с противоположным полом. Но даже если она по сумасбродной прихоти небес вдруг встретит и умного, и красивого, то всё равно, ни за что, никогда...

А за окном вдруг проехала машина. Вика только углядела бампер серебристой Лады и знакомые номера. Ура! Янка, наконец-то, приехала!

Сдёрнув наушник, Вика сообразила, что «Руки Вверх» давно уступили эфир новой и прикольной песне. Насколько получилось услышать и перевести, там было что-то про свободный стиль и безвредность для озонового слоя... Хотя в английском девушка была не так сильна, и наверняка она услышала что-то неправильно. Но «рак-а-майкро-фон» – так и звучало в ушах, пока Вика торопливо шла к Янкиному дому.

А тут о песне пришлось забыть.

Из машины подружка вышла, сердито хлопнув дверью. Коротко кивнула на Викино радостное приветствие. И снова спрятала лицо за пушистыми каштановыми волосами. Яна была явно не в духе...

– Янусь, привет, ты чего? – растерялась девушка.

– Ничего, всё в порядке, – Яна наконец посмотрела на Вику, – всё прекрасно, – потёрла острый аккуратный носик, а в карих глазах заблестели слёзы. – Мне просто с этим чудовищем пришлось в одной машине ехать.

– Чудовищем? – Вика оглянулась на авто.

Янка приподняла полу ярко-оранжевого сарафана. Кожа на ноге, пониже колена была заклеена приличным квадратом пластыря. Янка, прихрамывая, побрела к лавочке, а к машине подошёл её отец с тяжёлой цепью. Открыл заднюю дверь и нырнул внутрь.

– Ну, горе моё, кавказское, – донеслось из салона, звякнула цепь, – да где этот карабин? Сидеть!

– Здрасьте, дядь Вить, – крикнула Вика.

– Привет, молодёжь, – махнул рукой отец, ослабив цепь. Она словно змейка со звоном сползла в траву, а из машины выбрался лохматый, здоровенный пёс.

– Знакомься, – тяжело вздохнула Яна, – это Казбек, чистопородный кавказец, прибыл к нам в Высоково на перевоспитание. Любить и жаловать не рекомендуется.

– Перевоспитание? – Вика замерла под тяжёлым взглядом чудовищного пса. Ростом Вике почти до бедра, с серыми космами недовылинявшего меха, огромной головой с маленькими медвежьими ушками, кроваво-красными дёснами за обвислыми щеками и хитрыми глазами цвета чёрного чая.

– Ага, его у какого-то психа изъяли. Казбек натаскан на людей... Правда уже полгода прожил в питомнике. Папа говорит, ему нужен сильный хозяин. А ещё любовь и забота. Но явно не от меня, – Яна потёрла ногу, – это он меня три дня назад. Как раз сюда собирались, только вместо деревни я в травмпункте оказалась.

– Он тебя укусил?!

– Нет, сказали зубами поцарапал. Только от таких царапин шрамы, наверное, останутся.

Вика проводила взглядом мужчину и собаку. Казбек равнодушно посмотрел, как хозяин закрепляет его цепь у опорного столба двора, потом улёгся, положив под морду передние лапы, пару раз взглянул на девчонок из-под косматых бровей и закрыл глаза.

– А выглядит таким смирным.

– Не обольщайся... Ну, а как ты тут без меня?

Вика уже открыла рот, но вдруг задумалась с чего бы начать. На тему завода с Янкой говорить нет смысла. Скажет, что ещё она по помойкам и заброшкам не разгуливала. Пруд с кольцом-переливом её тоже вряд ли заинтересует. А с криминальными элементами в придачу – тем более. Вот!

– У меня Валька чуть не утонул вчера! – слишком радостно выпалила Вика.

Янка словно хрюкнула, подавилась вдохом, закашлялась:

– Ну, поздравляю. Или что? Тебя настолько братец достал?

– Да нет, дело не в этом... То есть, это, конечно, было страшно, но его спас один парень!

– И кто он?

– Я пока не знаю.

– Вот-так-так... И что дальше?

Тут Вика и сама задумалась. Тот неизвестный, приезжий спасатель уже мог и обратно уехать. Выходные прошли. И ведь никому, кроме неё, нет до него дела, даже Вальке. Но почему она до сих пор помнит прикосновение к своему плечу, спокойный и уверенный голос, капельки воды на светлой коже и его руки? Вытянутые пальцы с резко очерченными суставами, широкие ладони. Как легко и непринуждённо эти пальцы прощупали Валькин пульс, потом нашли на спине какую-то особую точку. Лёгкий, но в то же время сильный, скользкий удар запястьем между лопаток, и брат задышал, выкашливая порции воды.

Она вспомнила его руки!

– Ну что там за спасатель Малибу? Э-эй? – впервые улыбнулась Яна, помахав ладонью перед мечтательным лицом подружки.

Вика мотнула головой. Не хватало ещё влюбиться в неизвестно кого.

– Совсем замечталась? – хитро прищурилась Яна. – Ладно, пошли прогуляемся по деревне. Вдруг его встретим? Слушай! А может, мне тоже утонуть случайно? Или тебе?

- Да ну тебя, отстань.
- А что? Удачный способ познакомиться.
- Не хочу я ни с кем знакомиться.
- Уверена?
- Не уверена, но точно.

Янка и не удивилась странному ответу подруги. Она привыкла, что Вика частенько допускает подобные абсурдные выражения. Правда, ещё пару лет назад, услышав нечто подобное, она возмущённо вопила: «Ты не русская?! Все татарин, кроме я?» под издевательский смех подруги. А сейчас перестала обращать внимание. Если, конечно, понимала смысл. В противном случае, Вике приходилось расшифровывать, с надменной неохотой. Но тут-то всё было беспредельно ясно и понятно.

Знакомый маршрут. По Трассе до магазина, потом по улице направо до леса. И обязательно посидеть на брошенных срубах на окраине. Невольно перечитать все надписи с признаниями, оскорблениями, свидетельствами кто и когда здесь был и что делал.

Извечная потребность человека поделиться собой с окружающими. Вот если бы каждому выделить свой стенд, стену, такую, чтоб можно было приклеить всё-всё, что хочешь. Свои рисунки, фотографии, постеры любимых певцов и актеров. Свои мысли, отношения, настроения. И чтобы тот, кто пришёл к твоей стене, мог послушать твою любимую музыку, посмотреть фильмы, оставить для тебя послание, приклеить свою фотку на память. Да, некоторые бы всю жизнь свою выставили. Взяв при этом псевдоним.

– А ты не в курсе, когда приедет Андрей? – Яна специально выбрала максимально небрежный тон. Сидя высоко над землёй, на широком бревне сруба, она небрежно покачивала здоровой ногой, спрятав пластырь под огненно-рыжей пёстрой тканью сарафана.

- Мы даже в городе не созванивались, – помотала головой Вика.
- Странно, что его до сих пор нет, да? Он обычно раньше всех приезжает.
- А ты его ждёшь?

– Ну не то, чтобы... Ой, ладно, пошли домой. Мне ещё в шкафу разбираться, – Яна легко спрыгнула на землю и зашагала по высокой траве к дороге.

Ох, какая игра! Ни словом не обмолвиться о предстоящем сюрпризе, да ещё и виртуозно выпросить не проболтался ли Андрей.

– А я тут тоже позавчера этим занималась. И в этот момент в наш дом ударила молния, – Вика догнала подружку.

– Молния? – Яна обрадовалась, что тема Андрея так удачно закрылась. – Значит, теперь у тебя должны появиться суперспособности, – игриво засмеялась она.

– Они у меня всегда были, – скривилась Вика, – влипнуть в неприятности и влюбиться не в тех парней.

Яна вопросительно посмотрела на Вику. Но та отвела взгляд. Махнула рукой со смыслом: «забей-не-спрашивай-ерунда». Про зимнюю историю она никому не рассказывала. Слишком оглушающим было то счастье. А теперь всё словно выгорело.

Даже лучшие подруги имеют право на секреты. Это закон сохранения дружбы.

Вика сделала вид, что внимательно разглядывает что-то вдалеке, а Яна проследила за её взглядом...

- Ах! Она сгорела?! – почти выкрикнула Яна, с каким-то мучительным отчаянием.
- Берёза? – с сомнением переспросила Вика, кивнув на отлично просматриваемый с этого места обугленный остов посреди поля.
- Ты что, местную легенду не знаешь? Это же телепорт! Три раза обойти против солнца – и окажешься в любом месте, в каком захочешь.
- И ты туда же! В сказки веришь.

– Ну, не совсем чтобы верю... Просто интересно, – Яна смутилась под пристальным Викиным взглядом. – Да, ты права, это всё глупости. Никаких телепортов не бывает, конечно же...

– Тут кое-что поинтереснее есть, – загадочно ответила Вика.

На вопросительно-недоверчивый взгляд подруги она хитро улыбнулась:

– Там за Бабьим оврагом есть завод. Зброшенный.

К несказанному удивлению, Яна даже заинтересовалась. А Вика на радостях выдала всё, что узнала от бабушки. Что пруд называется Холодным, что он не прогревается летом и не замерзает зимой, что причина такого явления неизвестна, что купаться туда никто не ходит и, вообще, место там нехорошее. И после его небрежную отповедь, в ответ на вопрос напрямую о Чаше, Григории и светящихся кольцах в ночном небе. Пришлось признаться, что она случайно услышала, как они шептались на кухне, и про странную грозу она тоже помнит. «Нечего голову ерундой забивать» – махнул рукой старик и странно нахмурился. Да и бабушка как-то сразу пришла, оборвав этот тревожащий разговор...

– А ты что-нибудь слышала про это? – Вика с надеждой посмотрела на Яну, но та пожала плечами.

– Григорий? Понятия не имею. Да и ни про какую Чашу не слышала ни разу.

Янкины родители стали ездить в Высоково сравнительно недавно, лет десять назад, и уж про кольца в ночном небе Яну и спрашивать не стоило.

За разговорами девочки и не заметили, как вернулись к дому. Вика неожиданно вспомнила, что на непрополотой второй грядке моркови закопана её совесть и сразу забеспокоилась. Как же она там? И вдруг её случайно откопает бабушка? Поэтому она, бросив подружке небрежное «ну, пока, до вечера», поспешила в огород.

И всё-таки это было возмутительно. До Викиного рождения оставалось всего ничего, а друзья... Яна подозрительно молчит, а Андрея, так того, вообще, нет! И совершенно ясно, что завтра они никуда не поедут. Надо же заранее о таком договариваться.

Но разве могут они совершенно спокойно забыть про День Рождения лучшей подруги?

С такими мыслями Вика поднялась с грядки, вымыла руки в прогретой за день бочке. Прибежал Валька, помог полить огород. Солнце невыразимо медленно спускалось к горизонту, и Яна почему-то не приходила. На клубничной грядке никак не хотели поспевать две первые, самые крупные ягоды, и Андрей так и не приехал. А за огородом на дальних болотах уже всюю скрежетал коростель.

День кончился, и ничего не произошло. А так хотелось чего-нибудь. И долго-долго в золотых лучах танцевала мошкара. Душа просилась путешествовать, но надежда, призрачное предчувствие, интуиция в конце концов, заставляла Вику сидеть и ждать. Сощуриив глаза, девушка смотрела на малиновое солнце, считала секунды, за которые оно скроется за горизонтом, жалела, что их не вернуть.

Пришло время ужина, и Вика отправилась в огород за зеленью.

Небо приобрело цвет бутылочного стекла. Становилось прохладно, поэтому быстро нарав укропа и петрушки, зябко ежась, Вика поспешила домой.

В дверь кто-то стучал... Из-за отсутствия света по тёмным сеням пришлось идти на ощупь. Вика даже рассердилась: покупатели Валькины, а встречать их – ей. А точно, там же внучок какой-то прийти должен. Нога предательски соскользнула с верхней ступеньки крылечка, но равновесие удержать получилось. Наконец, подцепив пальцем крючок, Вика распахнула дверь и...

– Привет...? А, ты за молоком? – только и смогла произнести девушка после небольшой паузы. Ну совсем она не ожидала увидеть незнакомого парня. – Проходи. Прямо. Только там темно...

Свет в кухне после сеней как-то резко ударил в глаза, и Вика, прищурившись, разглядывала гостя.

Светло-русые волосы, незастёгнутая тёмная куртка поверх серой футболки, светлые джинсы и белые кроссовки...

Всё это ерунда! У него глаза – утонуть можно, и улыбка такая, что ноги подкашиваются, и овал лица так резко очерчен...

– Здравствуйте, – поздоровался он с бабушкой, вынимая из кармана деньги. – Я от Людмилы Сергеевны.

Незнакомец посмотрел на Вику, а она не смогла выдержать его взгляд и отвернулась. Совершенно нормальный взгляд, не насмешливый, не заигрывающий, самый обыкновенный, но какой-то прожигающий. Видимо почувствовав Викино смятение, парень усмехнулся, наклонил голову и сделал вид, что рассматривает что-то на полу, а сам из-под чёлки, упавшей на глаза, продолжил наблюдать за смущённой девушкой.

Ну и что это за улыбка такая? – подумала Вика. – Он похоже привык, что девчонки от одного такого взгляда в обморок падают.

Молоко перевитой струёй переливалось в банку, а Вика никак не могла снова поднять глаза на гостя. Да, он понравился ей. Но может уже хватит ТАК смотреть?

Банка с молоком исчезла в чёрном рюкзаке на плече парня.

– Спасибо, до свиданья, – расшаркался он на пороге.

Вика не видела, как он развернулся, чуть пригнувшись, переступил порог. Как в сенях вдруг мелькнула серебристая светоотражающая полоска на спине.

Потом в темноте звякнуло ведро, послышался плеск и сдавленный вздох.

– Я же ведро там у двери оставила, – всплеснула руками бабушка.

Вика неожиданно для самой себя вскочила:

– Я провожу.

А в сенях затаилась абсолютная темнота.

– Извини, – парень, судя по звукам, ставил ведро на лавку.

– А... да не страшно. Идём, сюда, – показывала Вика, как будто можно было что-нибудь рассмотреть во тьме. Но злосчастная ступенька крылечка всё-таки решила сегодня исполнить свой коварный план и терпеливо поджидала.

– Осторожно, здесь лестница... Ой! – оступившись, Вика вцепилась парню в плечо и тут же отдернула руку. По телу будто пробежал ток, и от неожиданности равновесие окончательно потерялось. Девушка отчаянно пыталась не упасть, принимая причудливые и бесполезные позы, пока не почувствовала, что её крепко держат, и она никуда не падает. В полной темноте Вика стояла в обнимку с парнем, даже имени которого не знала. Но знала, что он ей безумно нравится, и она просто умрёт, если он её сейчас же не отпустит или наоборот – отпустит. Она ещё не решила, чего хочет больше.

– Ничего, бывает, – улыбнулся он, всё-таки отпуская девушку.

Это потом уже в дверях пришлось прикидывать насколько заметны в сумерках покрасневшие щёки и насколько слышно в вечерней тишине учащённое дыхание.

– Меня зовут Вика!

От волнения голос показался чужим и кровь сильнее прилила к лицу от того, что снова пришлось соврать.

Никому и никогда она не говорила настоящего имени, а родные называли её исключительно Викой. По её же собственной просьбе, лет эдак с семи.

Все имеют право на личного таракана в голове, пусть даже мешающего жить. Вот и у Вики, которая совсем не Виктория, был такой питомец, вредный и упрямый, как, впрочем, и его хозяйка.

– А... Лёха... Алексей, – не сразу ответил парень.

Просто молчать становилось неловко, и Вика наигранно-непринуждённо произнесла:

– Ну... пока...?

– Ну да... До встречи. Э-э... до вторника.

Но после того, как Лёшка повернулся спиной, мир рухнул. Взорвался миллионом серебристых осколков, что на один краткий миг снова сложились в обжигающе яркую полосу на его куртке. На точно такой куртке с капюшоном, что небрежно оттянул воротник на бок. Точно такую же молнию от плеча до плеча Вика видела, когда он уходил к деревне по склону холма, когда не повернулся, когда она звала собаку... Казбек?! Ничего себе совпадение...

Как же обидно. Ну почему такие классные парни прячут в туннелях под прудом такие гадкие вещи?

Небо стало тёмным и прозрачным. В офисе приёма и регистрации желаний строго отчитывали ту молоденькую феечку.

Её о принце вовсе не просили, а если уж так захотелось сделать человеку приятное, так выбирать получше надо было. Смотреть внимательнее.

Фея, упрямо надув губки, молчала. Да опыта у неё нет, но талант-то должен быть! Неужели она так ошиблась?

День Рождения.

А утро было суперским. Сначала бабушка со слезами радости поздравила Вику. Подарок само собой был в денежном эквиваленте, но именинница пока не знала, чего бы такого прикупить. Потом Валерка, сияя от счастья, преподнёс целую тарелку слегка недоспелой клубники, заявив, что это от него и от Стасика, и от его бабушки, которая и вырастила эти ягоды в теплице. И сам же присоединился к поеданию подарка вместо завтрака.

Яна пришла в скором времени. Приторно-ласковым голоском пропела дурацкое хэппи-бёздей, а потом, загадочно улыбаясь, вручила маленькую беленькую коробочку.

– Я смотрю, ты слишком счастливая последнее время! Даже часов не наблюдаешь. Поэтому – вот!

Вика открыла подарок и увидела прелестные наручные часы. Мягкий, белый ремешок, круглый циферблат. Золотистыми штрихами на белом фоне нарисована кошка с поднятой лапкой. А из-под лапки вдруг выбежала маленькая чёрная мышка и побежала дальше по кругу. Через пару секунд Вика догадалась, что мышка нарисована на прозрачном стёклышке, что, вращаясь над часовой и минутной стрелками, отмеряет секунды.

Подарок был прекрасным. Только подружка, отказавшись от чая, остатков клубники и прочих разговоров, почему-то упорхнула домой.

А вот это было огорчительно. Даже про вчерашнее знакомство с Алексеем рассказать не получилось. Вот ведь беда. Нет, ну правда, классный парень, глаза красивые. А то, что он был в тот вечер на пруду, ещё ничего не значит. Может, они там просто клад прятали... Ну обыкновенный какой-нибудь клад. Ой, тоже мне разбойники Бабы!

Нет, вы только посмотрите на неё! Стоило парню чуть-чуть спасти её от падения в темноте, так она уже придумывает оправдания для его странных занятий. Как будто между ними что-то может быть. Как будто влюбилась! Вот дурочка!

Вика даже слегка фыркнула от собственных уничижительных мыслей. Но в голове словно прозвучал его голос: Ну пока... до вторника. А взгляд сам скользнул по настенному календарю: среда. Долгонько... И, вообще-то, День Рождения!

Вика не знала, что ей делать. То ли резать салаты и печь пирог, то ли смазывать цепь и качать шины для дальней поездки, то ли сидеть и спокойно ждать приготовленного друзьями сюрприза. Последнее было самым приятным, но и самым мучительным.

Она с удовольствием мучилась этим ожиданием до самого обеда, а после – мучительно наслаждалась предвкушением. Но Янка-хулиганка и носу из дому не казалась. И Андрей – вот уж кто балбес! – так и не приехал.

И бесстыжие ягоды на грядке так и не покраснели.

Как говорится, никогда такого не было, и вот опять. Полная растерянность сменилась пустой собранностью, но положение дел от этого никак не поменялось.

Было часа четыре, но у солнца имелся безлимитный абонемент на посещение неба, поэтому вечер и не думал пока наступать.

И делать было совершенно нечего. Крыльцо, старый диванчик, и мечтательное настроение. А наушники и маленький карманный приёмник принялись старательно переводить радиоволны в волны звуковые. И «мальчики с окраин» проникновенно просили рассказать им, почему...

А Вике не давала покоя другая песня. Та самая, что она услышала перед Янкиным приездом. Весёлая, заводная и... смешная. Ну правда, что за слова такие? А музыка? И главное, больше нигде ни разочек она не попадалась. Хоть Вика без конца листала частоты эфира. Серебряный дождь – где по умолчанию никогда не поставят ничего подобного; Хит ФМ – вполне возможно – но нет; любимое, правда всё больше попсовое РДВ – никак не решается повторить сей замечательный эксперимент; Рандеву и Русское Радио – конечно, тоже не в счёт, дальше – Европа плюс – и вот уж кто должен удовлетворить иссушающее желание новой музыки, но тоже что-то стесняются. Вот был бы такой эфир, где ты сама выбираешь плейлист и слушаешь только то, что нравится тебе. Нет, есть, конечно, всякие «лети с приветом» и «по заявкам», но это будет выглядеть смешно:

– Здравствуйте, а поставьте, пожалуйста, песню про... Не помню названия, там такие слова: Фристайла! И что-то про озон! Ха-ха-ха.

Но песню очень хотелось услышать.

А в дверь опять кто-то стучал...

Вика сначала подумала, что это у Яны совесть выпалась, поэтому сдёрнула наушники и излишне резко открыла дверь, готовая великодушно принимать извинения, объяснения и тому подобное... Но... На пороге стоял Алексей, со странной виноватой улыбкой.

– Привет? – Вика точно помнила, что сегодня не вторник, и не понимала радуется она его приходу или нет.

– Привет...

Только одно слово, но во взгляде и в улыбке их будто миллион. Со вздохом гость решил продолжить:

– Вика, я пришёл —

...чтобы просто увидеть тебя...

– Сказать, что мне —

...не спалось этой ночью...

– Очень нужна —

...твоя ослепительная улыбка...

– Ещё одна банка молока.

Пока Вика хлопала глазами, пытаясь определить, что она действительно услышала, а что ей примечталось, Алексей продолжил:

– Конечно, если есть лишнее.

– Да... Только утреннее. Подойдёт?

Молчаливый кивок без отвода глаз.

И вот она уже на кухне, торопливо наливает ледяное молоко. Островки кремowych сливок вытягиваются в реки, соскальзывая вниз, а часть остаётся на стекле. А в голове ворох мыслей, что надо было сначала легко, как бабушка, крутануть банку и перемешать... И что сегодня

точно не вторник, но ОН пришёл. И что сегодня её День Рождения. И она не может, просто не может поднять глаза, чтобы встретиться с его взглядом.

Молоко всё-таки было предлогом. Это стало понятно, когда Лёшка, уходя, чуть не забыл банку на столе. Просто Вика понесла его остатки в холодильник, что стоял в сенях, и слегка запуталась в тюлевой занавеске. Невозможно глупо зацепилась заколкой и не могла отцепиться, пока на помощь не подоспел Алексей. (Да что он всё время спасает её!). А потом он спросил, почему нет света...

– Просто в наш дом ударила молния.

– Серьёзно?

– Серьёзнее некуда, – хмыкнула Вика и, уже спустившись с крылечка вспомнила: – Молоко! – и сама вернулась за банкой.

А потом они недолго постояли в дверях. Вика со смехом рассказала подробности субботнего происшествия. Лёшка заявил, что никакой грозы не было, потом вспомнил, что сам приехал только в воскресенье. Рассмешил, ага. И ещё, про то, как вчера искал их дом, потому что первый раз в этой деревне. Что бабушка махнула рукой: «там». Но «там», куда она махнула, оказалось болото, в общем-то, живописное, но молока у него не было...

От того, что Вика уже минут десять сдержанно и вроде бы элегантно хихикала, у неё заболели скулы... Но это было единственное, что она могла делать, глядя на Алексея. Ну просто он был нереально клёвый. И явно сам хотел ей понравиться. Зря старался. В смысле, Вика уже давно всё про себя поняла... Что она там себе напридумывала про «ни за что и никогда»? Смешная такая, наивная. Нет, ведь она не знала, что бывают такие парни. И где его так смотреть учили?! Всё, пропала девчонка. Только надо держать лицо и не показывать виду, что прям всё настолько... Посерьёзнее, девочка, будь посерьёзнее...

Вику спасла подошедшая (так невовремя!) Яна. Лёшка кивнул на её ироничный «привет», и непринужденно сказал, (глядя Вике в глаза), что завтра обязательно придёт опять.

– Ага, пока, – Вика вроде бы удачно скопировала Янкину интонацию, но та нахмурилась. И стоило Алексею уйти на расстояние слышимости, накинулась на Вику.

– Это ещё кто?

– Лёшка. Просто за молоком к нам приходит...

– Просто?

Вика неуверенно кивнула. Янка усмехнулась:

– А сколько ему лет?

– Не знаю.

– А где живёт?

– Тоже не знаю...

– А девушка у него есть?

Вика развела руками.

– Да, чудо моё, такие вопросы первым делом надо выяснять. Так, завтра всё узнаешь, мне расскажешь!

– Погоди, мне он, вообще-то, и самой нравится!

– Вот и прокололась! – засмеялась хитрая Янка, – я же вижу, что ты ему чуть ли не в рот заглядываешь.

– Что, так заметно? – понурилась Вика и села на лавочку. Рядом присела гордая и строгая Яна.

Вика же сделала выводы, расставила приоритеты и со спокойной совестью решила выкинуть из головы этого подозрительного и в то же время – умопомрачительного Алексея. Хотя бы ненадолго.

А вот то, что он приехал только в воскресенье, было очень важно. Но пока причину важности этой мысли никак не получалось осознать.

Через пару минут молчания Яна с какой-то дурацкой улыбкой выдохнула:

– А-андрей...

А к соседнему дому подъехала машина. Вышли родители Андрея, а потом и он сам, махнул рукой девчонкам и принялся выгружать из багажника сумки.

Вот тут Вика словно увидела себя со стороны. Сначала Яна, небрежно закинув ногу на ногу, посмотрела в ещё светлое, голубое небо, причём мечтательная улыбка так и не исчезла с её лица. Потом она бросила осторожный взгляд на авто, на секунду задержалась, разглядывая белую безрукавную футболку, что выгодно подчёркивала неплохую фигуру Андрея. Он не спеша вынимал из багажника сумку за сумкой, играя мышцами оголённых плеч. Он не поднимал глаз на девчонок, но его улыбка говорила, что он уже знает, какими глазами на него смотрит Яна.

А Вика с ехидством отметила, что подружка просто приклеилась взглядом к его светлым волосам, голубым глазам и такому мужественному профилю... Ой... Только хитрюга щурится от солнечных лучей, и делает вид, что смотрит куда-то мимо.

Андрей наконец закончил разгрузку. Ага, нарисовался и раскрасился, не сотрёшь.

– Как жизнь молодая? – спросил он, подходя к девчонкам.

– Нормально, – хмыкнула Яна, – но было бы гораздо лучше, если бы кое-кто приехал пораньше. Ты ничего не забыл?

– Я? – Андрей растерянно обернулся на машину, – да вроде бы...

Яна погрозила ему кулаком.

– Да нет, не забыл, не забыл... – парень как-то виновато погладил затылок, – я ничего не забываю, – но в глазах мелькнуло сожаление. Он даже достал сигареты. Яна сердито нахмурилась.

– Девчонки, а вы не в курсе, кто-нибудь из наших здесь?

Яна возмущённо фыркнула:

– А кого тебе нужно?

– Я видела Дена и Макса, они сегодня гулять в Колково собирались, – сдержанно отозвалась Вика.

– А-а... Ясно, – Андрей закурил, ещё больше погрузился, – так, ладно, девчонки, я пошёл, надо поговорить с друзьями. А то с вами весело, слишком.

И он ушёл, оставив белесое облачко дыма, медленно тающее в закатных лучах.

– Это что ещё такое?! – возмутилась Вика.

– Не говори-ка, свинство какое-то! – поддержала подружку Яна.

– А ты тоже хороша! Глаз с него не сводишь, а он вообще про нас забыл. И про мой День Рождения!

– Ага! Вот бессовестный! – излишне усердно поддакнула Яна, но быстро спохватилась: – Вика, ты только не расстраивайся, мы сейчас пойдём погуляем.

– Вдвоём?

Яна смущённо пожала плечами: – Я зайду к тебе через полчаса...

Полчаса заполнились томительным ожиданием. Ожиданием скромной прогулки для Вики и долгожданной вечеринки для Яны.

Она облегчённо выдохнула, отправив подругу наряжаться. Как же без наряда? Праздник всё-таки.

И ничегошеньки Вика не просекла. Андрей просто умничка, как сыграл. Типа, он забыл про День Рождения лучшей подруги. Оскара ему, не меньше. Осталось только время потянуть, часов до десяти. Собираемся у Макса. Андрей обещал нечто грандиозное...

Погуляем вдвоём? Ну круто. Всегда мечтала о таком празднике!

У Вики даже рука не дрогнула, рисуя тёмно-зелёные стрелки. От туши ресницы сразу стали длиннее. Для юбок-сарафанов настроения не было. Вика натянула джинсы и любимую зелёную борцовку.

– Ну и для кого это всё? – хмыкнула она себе под нос. Подспудно Вика ещё не отказалась от мысли отыскать того Валеркиного спасателя. Но надежда таяла с каждым новым днём. Когда это было? В воскресенье. А вчера она ездила в Вышкино, пила чай с тётей Ниной, случайно читала ненаписанную книгу. Про каких-то... тоже спасателей? И что там за имена странные – Вадик и этот... Паха!

Прервав эти размышления, в дверях появилась Яна. Она зачем-то нарядилась в классное, но уж слишком короткое платье. И это для прогулки по деревне! Вот чудачка!

– Ну что, готова? – спросила она с порога.

– Ага, – покорно вздохнула Вика, глянула на Янкину ногу, что уже лишилась пластыря, но вместо страшных шрамов с кровавыми корками, там были всего лишь три бледно-розовые полоски.

– А это как? – Вика указала пальцем на чудо исцеления.

– Оковник.

Янка боготворила траволечение. И её искренняя вера действительно творила чудеса. Эффект плацебо – неизменный Викин вердикт. Но чтоб вот такие, видимые проявления – это в первый раз. Может, что-то в этом и есть...

Обычно по выходным деревня превращалась в гудящий улей. По округе разносились музыка и смех, воздух был насыщен запахами дыма и шашлыков. Люди приезжали из города отдохнуть от шума и суеты, но почему-то привозили всё это с собой.

Но сегодня была среда, и на улицах царил тишина и запустение. И настроения не было никакого. Девчонки не спеша прогуливались по Центру села.

Словно почувствовав чей-то взгляд, Яна обернулась.

– Ой-ой, кажется, за нами хвост, – легкомысленно хихикнула она.

Теперь обернулась и Вика и увидела двух паренёв, что целенаправленно шли за ними с другого конца улицы.

– Гопники какие-то, – фыркнула она, разглядев их совсем неприятный вид.

– Приве-ет, девчо-онки, – донеслось из-за спины.

Судя по интонации, сейчас начнутся настойчивые подкаты и отвязаться будет не так-то просто.

– Девчонки, а давайте знакоми-ца?

Главное, не обращать внимания и прикидываться глухой, так им быстрее надоест.

– Да ладно вам, девчонки! Мы ж нормальные пацаны. Давайте просто погуляем, вон погода какая хорошая!

Нет, ну вы посмотрите, какие настырные.

– Да скажи ты им!

– Ага, мы нормальные пацаны и погода хорошая!

– Да не про то, балда!

Нормальные, настырные пацаны, только малость туповатые.

– А-а... Девчонки? А знаете, у Вадима сегодня днюха.

Ага, а ещё сказки будут?

– Ладно, Паха, забей, по ходу это королевичны высокомерные. Им на чужое горе наплевать.

А вот тут Вика не выдержала и обернулась. Нет, она прекрасно понимала, что «днюха» у этого товарища наступает каждый свободный вечер, как предлог познакомиться, чтоб его такого грустненького и несчастненького пожалели, а то, что это он один одинёшенек в свой

день рождения гуляет. Но имена... Вадик и уж совсем экзотическое – Паха. Это ведь они были в той Ульяниной рукописи...

Яна сердито дёрнула подружку за руку:

– Пошли дальше, нечего с ними разговаривать!

– Яна, я тебя умоляю, – Вика прислонилась к её уху, быстро зашептала: – Потом всё объясню. Пожалуйста, подыграй мне?

Яна посмотрела на подругу с недоверием, пожала плечами. До десяти ещё есть время, так почему бы и не поприкалываться.

– Марина, – выбрав из арсенала самую милую улыбку, Яна протянула руку, – а это – Ника. И Вика следом расцвела в улыбке.

Очень удобно, если новые знакомые не знают твоего настоящего имени. Погуляли и разбежались. И ищи потом по деревне Марину и Нику – нет таких. Только чур домой не провожать.

– Лады, – обрадовался парень, – Вадим. А это Паха, то есть Павел.

– Паха, – радостно кивнул Паха и ещё радостнее добавил: – Вадос, а по ходу пожелание сбывается!

– Ага. – По Вике сверху до низу прошёлся оценивающий взгляд. – Но посмотрим ещё. – Хотя парень был донельзя доволен увиденным. Вику так и подмывало соорудить какую-нибудь томную улыбочку, ради прикола, но она сдержалась.

– Ну чё, девчонки, тогда по пивку? – Вадим взял быка за рога. – Паха, сгоняй в магаз, давай мухой. – Он выгреб из кармана смятые деньги и быстро сунул их в руки товарищу. – Паха-муха! – захохотал, глядя вслед удаляющемуся другу. – Девчонки, вы не думайте чего, он так-то правильный пацан, только не всегда догоняет. – Сунув руки в карманы, Вадик начал пинать носком кеда камешек. – Мы с ним с детства дружим, он это, весёлый...

– Да, мы уже заметили, – фыркнула Яна.

Вика внимательно разглядывала нового знакомого. На невысоком, худом Вадиме смешно смотрелись чёрные шорты до колена, синяя футболка с вытянутым воротом и кеды на босу ногу.

Тот ещё принц, – усмехнулась она про себя, хотя её внимание привлекли глаза Вадима: светло-карие, с золотистыми лучиками от зрачков, с хитринкой и очень умные. – А первое впечатление обманчиво, – подумала Вика, – с ним надо бы осторожнее. Он совсем не тот, кого изображает, кривляясь перед нами. Не уверена, но точно, где-то видела его глаза, определённо видела.

Прибежал запыхавшийся Паха и раздал всем по пиву.

Павел походил на большого, плюшевого медведя. Полноватый, добродушный и, видимо, в голове опилки. На его щеках от похода в магазин появился румянец, а на висках заблестели капельки пота. Светлая футболка, обтягивая торс, подчёркивала небольшую полноту.

– Ну чё девчонки, давайте разговоры разговаривать... – Вадик отхлебнул пива, и направился к первой попавшейся лавочке.

С полчаса парень расспрашивал девчонок кто они и откуда, а Янка сочиняла напропалую. Вика только диву давалась, как ловко подруга врёт. Ещё полчаса прошло в пересказывании какого-то невероятно смешного фильма, который недавно посмотрел Вадим, потом компьютерной игры, которую никак не мог пройти Вадим, потом, потом...

Янке уже порядком надоело слушать эту ерунду, тем более время поджимало. Пришлось отчаянно подмигивать Вике, что пора бы и уходить. Но та только отмахивалась. Как будто ждала чего-то.

– Вадос, – Паха вдруг оживился, напустил в голос невероятной крутизны, отчего стал выглядеть ещё забавнее, – а может девчонок пригласим в наше место?

– Да, девчонки, не против испугаться?

– Ещё чего, – фыркнула Яна, – я плавать не умею.

– Я тоже, – подхватила Вика.

– Ну, по этому поводу можно вообще не париться, – многозначительно улыбнулся Вадик, не сводя с Вики глаз.

– Да, Вадос у нас спасатель, – хохотнул Паха.

– Спасатель?! – Вика была поражена совпадением.

– Ага, спасатель Малибу! – не на шутку развеселился Вадим. Вероятно, от принятого немалого количества пива.

Или от некоторых приятных мыслей в своей голове.

Такое совпадение с текстом Ульяниной рукописи слегка парализовало. Вика только судорожно вздохнула, что было естественно расценено как согласие. Если честно, она сегодня сама себя не узнавала, будто кто-то решал за неё что делать, в угоду своим меркантильным интересам.

Деревенский пруд окружали заросли крапивы и репейника. Со всех сторон к воде вели узенькие тропки, протоптанные отчаянными любителями экстрима. Девчонки, прижав руки к груди, осторожно двигались вслед за парнями. В вечернем воздухе остро чувствовался запах примятой крапивы, дурманяще пахла медом таволга, завершающий аккорд добавлял сырой запах пруда и водорослей.

– Ну вот, наше место, – махнул рукой Вадим, когда ребята добрались до берега, – сейчас мы костерок забачаем! Девчонки, давайте, садитесь, – Вадик выволок из зарослей что-то похожее на лавочку, – а мы за дровами!

Над прудом уже курился туман, шёл вечерний клёв, и рыбки выпрыгивали из воды, блеснув серебристым бочком.

Ещё по пути сюда, Яна приклеилась губами к Викиному уху и, старательно делая вид, что обсуждает парней, вкратце изложила план побега. Вика не особо прислушивалась, но старательные намёки Вадима, что купаться лучше всего без одежды, убедили её, что Янкин план всё-таки хорош.

Всю дорогу парни продолжали прикалываться над одной им понятной темой про Малибу, и только сейчас Вика задумалась, почему Павел назвал Вадима спасателем. Неужели это он был здесь в воскресенье и вытащил Валерку? Тогда он показался ей выше ростом, широкоплечим. Или это было из-за шока? Но вот глаза, такие глаза с золотистыми лучиками от зрачков она точно уже где-то видела... Значит, это было здесь, в воскресенье. Значит, это был он... Вот ведь разочарование. Да, герой заслуживает благодарности, но может сделаем вид, что ни о чём не догадалась? Сделка со собственной совестью состоялась, едва Вика представила, какую награду может потребовать этот спасатель...

С шорохом и треском, напролом, сквозь заросли лез Паха с охапкой раздобытых где-то поленьев. За ним, сунув руки в карманы, вразвалочку шёл Вадик. Павел бросил свою ношу рядом с кострищем и присел на корточки. Пока он разжигал костер, Вадик нарезал круги и давал бестолковые советы.

Наконец огонь, тихо пощёлкивая, начал разгораться. Пучок сухой травы, подложенный для розжига, окутался мутным дымом, моментально съёжился и посерел. В сине-зелёное небо полетели оранжевые искры.

Вадик присел рядом с Янкой и попытался обнять, но она убрала его руку. Тогда он переключился на Вику.

– Ника, а давай с тобой... – Вадик сделал паузу, загадочно и хитро заглядывая Вике в глаза, – поплаваем! Давай, не ломайся, мы вас пивом угостили, а вы нас чем побалуете? – рука Вадика по-хозяйски улеглась ей на плечо и начала медленно скользить вниз по спине. Вика нахмурилась, но дело было вовсе не в поведении нового знакомого.

Ах, если бы её действительно звали Никой, или Викой, или даже Машей, всё равно, только не так, как называли при рождении... – она оглянулась на подругу и еле заметно кивнула. Яна поняла её без слов.

Она вскочила и начала энергично расстёгивать босоножки, а Вика стала делать вид, что возится с ремешком джинсов.

Парни по-быстрому покидали одежду на берег и с разбегу бухнулись в воду. Вика только успела заметить у Вадика ярко-алые плавки, типа шорты, ну точь-в-точь, как у героев недавно помянутого сериала...

– Девчонки, вода тёплая! Мы вас ждём... – Вадик замер на полуслове, глядя, как его футболка взлетела в свете костра и, скрывшись в темноте, приземлилась где-то в крапиве. За ней полетели шорты и кеды. В другую сторону отправилась одежда Павлика.

– Э, девчонки! Вы чё, обалдели?! Мать вас!!! – Вадик в туче брызг выбрался на берег. За ним вылез Павел и, шарахаясь по кустам, пытался собрать одежду.

– Девчонки!!! Хрен вам в печёнки!!! – орал на берегу Вадим, но девчонки уже неслись по дороге, не оборачиваясь и упиваясь весельем от своей хулиганской проделки.

На повороте Яна остановилась и, отдышавшись, выдала первое, что пришло в голову:

– Вик, мне очень нужно к Макс. Он должен кассеты отдать, ещё с прошлого года...

У Вики округлились глаза, но по хитрой, едва сдерживаемой улыбке Яны, она догадалась, что дело было вовсе не в кассетах. А в чём?

А в чём, Вика поняла, едва они подошли к дому Макса. Тропинка была украшена новогодней ярко-синей гирляндой. Стоило девчонкам ступить за калитку, как с крылечка спустилась Кристинка, расфуфыренная и взволнованная. Лёгким движением накинула на шею девчонкам гавайские цветочные бусы, собранные из облетевших белых и розовых лепестков пионов, чмокнула обеих в щёчку и снова быстро скрылась в доме.

Вика восторженно поглядела на Яну, а та с усмешкой покивала:

– Ну да, это то, что ты думаешь. Пошли?

День радио.

До чего бывает хорошо проснуться с мыслью, что у тебя есть самая замечательная подруга и настоящий друг. Такой, что, бросив неотложные дела, уломав родителей приехать в деревню среди недели, а не в выходные, подговорив заранее всю компанию ни словом, ни вздохом не выдавать готовящийся сюрприз, устраивает грандиозную вечеринку.

Ага, упрямый вредина таракан на время заткнулся, согласившись, что да, возможно, они с Викой кое-что потеряли, не принимая участия в подобных мероприятиях ранее. Нет, были, конечно, не очень приятные моменты. Например, Маринкин Гошка, чуть-чуть перебрав, начал цепляться ко всем. Ну его и успокоили... Санёк сказал, что он на старые дрожжи. Потому что недавно они зависали у... Вадима? Нет, ну мало ли Вадиков в деревне? Ага, и у каждого дэрэ...? Странно, но ничего необычного.

Самое потрясающее – Яна уговорила Андрея отправиться на заброшенный завод. Вот уж от кого Вика не ожидала. И откуда в подрузке такая страсть к исследованию? А когда Андрей услышал про пруд с кольцом-переливом и туннель с тайником, стало понятно, что туда они и отправятся в самое ближайшее время. Прямо завтра...

То есть – уже сегодня.

Только вот все куда-то подевались...

После разговора с друзьями Вика сидела в расстроенных чувствах на своём любимом диванчике.

И всё-таки Андрей балбес! Просто нет слов.

Нет, ну ты понимаешь, такая атмосфера, праздник, хмель и солод в крови. И ты такая счастливая... Ну как я мог тебе отказать? Ну Вик, ну пока никак не получится. Я сегодня обратно в город, вернусь денька через три, а там посмотрим?

И Яна, молодец такая, стоит головой качает.

Да-да, денька через четыре можно съездить, если погода будет хорошая.

Предатели, опять за её спиной сговорились.

Досады добавила бабушка, снова попросив отвезти пакет тёте Нине в Вышкино. Да что ж такое-то?!

Вичка-почтальон к Вашим услугам. Снова вежливое чаепитие. И снова в обратный путь её снарядили, всучив свёрток. «Почитаете» – загадочно подмигнула тётя Нина.

Когда Вика вернулась домой, Андрей уже уехал, а Яна копалась на своей травяной грядке. Но Вика не стала к ней заходить. Посылку она оставила дома на столе, а сама решила ещё немного покататься по деревне. Голову проветрить, чтобы, может быть перестать злиться на друзей-предателей.

Для поднятия настроения, Вика нарядилась в белоснежный топик, со множеством тонких бретелек, что переплетались на спине, оставляя плечики открытыми, и светло-серые шорты с серебристым ремешком, на котором очень удобно устроилось маленькое радио с наушниками. Собственный неотразимый вид добавлял нахальной самоуверенности, и даже если бы вдруг повстречались вчерашние знакомые, она бы...

Воспоминания часто бывают непрошенными и донельзя портят, только-только начавшее улучшаться настроение. Что она будет делать, если и правда встретит Вадима, Вика так и не придумала.

Тем не менее, лучшее лекарство от досады и любых невзгод это прокатиться по деревне с классной музыкой в ушах. Если бы только эту музыку ещё можно было выбирать...

Радиоведущий молот такую чепуху, что Вика уже собиралась переключить радиоволну и даже, отпустив руль, нащупала кнопку. Но вдруг услышала знакомый мотив, а ди-джей сладким, мяукающим голосом пропел, что в начале этого часа, на нашей волне замечательная финская группа и их не менее замечательная композиция... Название они прокричали сами и с ходу окунули в свой почти непереводаемый, неповторимый, но такой драйвовый хип-хоп, что захотелось подпевать даже совсем не зная слов. А дорога вдруг стала идеально ровной и гладкой, пошла под уклон, позволяя разогнаться, и даже трещины и ямки на асфальте будто бы разбежались по сторонам. Вика запоздало, уже на приличной для велосипеда скорости, вспомнила, что тормоза так никто и не подтянул. А на дорогу в это время вырулил мальчуган на стареньком школьнике. Он старательно крутил педали, глядя куда-то в сторону. Услышав крик «Осторожно!», пацан шарахнулся влево. Но и Вика уже неуправляемо летела по той же обочине.

Она зажмурилась, не желая ничего видеть. Всё не заняло и трёх секунд, но они показались вечностью. Шорох, крик мальчишки, звонок велосипеда, сильный рывок, а потом боль в плече и коленях. «Ничего себе, фристайла!» – пронеслось в голове, и она заполнилась гудящим звоном.

Открыв глаза, девушка увидела асфальт, весь в мелких трещинках, ямках, бугорках с разноцветной гранитной крошкой. Она попыталась встать, но камешки больно впились в до крови расцарапанную ладонь. Сил хватило, только чтоб перевернуться на спину. Коленки, как и ладони, были содраны и их словно жгло огнём. Велосипед лежал почти рядом и даже по виду был целый. А вот пацана и след простыл. Ну как обычно, виновник аварии не пострадал.

Рассердившись от такой несправедливости, Вика смогла встать. Оглядела себя, и злость тут же сменилась отчаянием. Белая кофточка оказалась безнадежно испорчена, шорты приоб-

рели грязно-коричневую полосатость, не говоря уже про светлые кеды. Теперь видок стал по-настоящему неотразимым!

– Вика! – услышала она чей-то оклик и так и застыла, втянув голову в плечи. Меньше всего ей хотелось, чтобы кто-нибудь из знакомых увидел её сейчас. Она медленно обернулась...

Ну кто угодно, только не он, пожалуйста.

Навстречу ей, весь озарённый яркими лучами предзакатного солнца, шёл Алексей.

И Вике вдруг очень захотелось поверить, что тогда в туннеле был кто-то другой. Вот абсолютно не та комплекция, походка и вообще всё... Ну просто он никак не мог быть там. Никак, потому что... А почему, Вика не могла понять уже второй день.

– Всё нормально? Не ушиблась? – спросил Лёшка с искренним сочувствием.

– Нет, – от волнения голос пропал совершенно.

Оставалось только беспомощно смотреть, как Алексей поднял её велосипед, легко выправил свёрнутый руль, проверил ход и тормоза.

– Слетели, – пожал он плечами так, словно сам был виноват в этом.

– Так и было...

– А, ну тогда неудивительно. Грандиозный краш, но ты легко отделалась. Садись, – Лёшка подвёз велик ближе и похлопал по сиденью.

Вика послушно села, невзирая на жжение в коленях. Находясь в таком растерянном-очарованном состоянии, она не могла ни спорить, ни сопротивляться. И не хотела. Тёплая и искренняя улыбка Алексея парализовала её, заставляя сердце замереть от восторга. Несколько метров до развилки дороги она словно парила на крыльях невыразимого счастья. Так, что хотелось зажмуриться и тихонечко запищать, словно ма-аленькая мышка.

Лёшка крепко держал руль и словно бы обнимал её. Вика чувствовала спиной его руку, а его губы находились совсем близко от её плеча. Может она и правду не удержалась и с её губ сорвался писк или стон, потому что Алексей вдруг спросил с тревогой:

– Так сильно болит?

Вика только и смогла, что помотать головой, не слишком сильно, ведь она и так невероятно кружилась. А от его голоса по плечам побежали мурашки. Всего три самых обычных слова, но будто сказанные на ухо. Будто слышишь дыхание и движение губ. И от этого голова совершенно теряется. И можно даже не заметить, что...

Что они едут совсем в другую сторону – противоположную от дома.

– Стой! – Вика ухватила его за руку, – ты куда?

– К нам конечно!

– Нет, подожди, остановись, – Вика попробовала слезть, но боль не дала ни согнуть, ни разогнуть ноги, они так и застыли в полусогнутом состоянии.

– Ты что, обалдела? – Лёшка схватил девушку сзади за талию и усадил обратно, – с ума сошла?

– Это ты сошёл! Ты собираешься тащить меня к себе домой в таком виде? Я же чёрт знает на что похожа!

– А ты предлагаешь в таком виде везти тебя по всей деревне?

Попадалово, что вам и не снилось. Других мыслей у Вики на такой случай просто не оказалось. Самый классный парень на свете ведёт её в гости, а она... чёрт знает на что похожа!

Хотя до своего дома она точно не доковыляет. И так хорошо, когда тебя везут, бережно придерживая. И можно без конца любоваться его руками. Сильными и надёжными, и, может быть, очень нежными. И смутно знакомыми...

А над головой носятся безумные стрижи, расчерчивают огромное полотно выгоревшего за день неба. Далеко-далеко слышен смех и музыка. И ветер приносит аромат мёда и мяты.

А на Лёшкином запястье часы. Точно такие она недавно выкинула в озеро. И сейчас это почему-то показалось невероятно смешным. Но где же она видела эти руки?

Лёшкин дом оказался совсем близко. Бревенчатый и некрашенный, но очень красивый, старинный, сказочный домик. Не раз, проезжая мимо, Вика любовалась карнизом и наличниками с ажурной, почти воздушной резьбой. Заметив восхищённый взгляд Вики, Лёшка не без гордости произнёс:

– Это мой дед! Знатный был резчик.

На лужайке между резным крыльцом и домом Стасика гордо стоял чуть покосившийся железный турник. Стасиков турник. Вика вдруг вспомнила разговор мальчишек. И с удивлением осознала, что тот пустоголовый качок – сосед Стасика, и есть Лёшка. Других соседей у пацана просто нет, его дом крайний у Трассы.

А ещё вдруг вспомнилось, что Лёшка приехал в воскресенье. Но Вика никак не могла понять, отчего эта мысль уже который день не даёт ей покоя.

Опираясь на плечо нового друга, Вика взошла на крыльцо. Точнее, он её внёс, она лишь касалась ступенек кончиками кроссовок. Потом усадил на лавочку, тоже резную и некрашеную, а сам опустил рядом.

– Ерунда, царапины, правда, грязь попала, – он сбегал в дом за аптечкой.

– Лексей, ты бы в дом человека провёл, – на крыльце появилась Людмила Сергеевна.

– Ба, она еле ходит, – развёл руками он и со значением глянул на бабушку. Та поспешила скрыться в сенях, загадочно улыбнувшись и кивнув в ответ на Викино «Здрассте!»

Перекись зашипела и запузырилась на ране, и острое жжение сменилось лёгким покалыванием и даже стало чуть-чуть щекотно. Вика отвернулась от неприятного зрелища.

Алексей заботливо интересовался её самочувствием и это было восхитительно, а уж когда парень слегка подул на коленку, пришлось закусить губу. Ага, чтобы снова не запищать, да да от восторга.

– Голова не кружится? – он поднял на неё глаза.

Он ещё спрашивает, – сокрушённо подумала Вика и снова еле-еле помотала головой.

– В обморок не падаешь?

– Бывает. Так часто, что никогда.

Лёшка только тихо фыркнул. Вероятно, его озадачил этот спонтанный оксюморон.

А взгляд Вики скользнул по стене крылечка. На крючке висела та самая тёмная куртка с рисунком молнии на спине, намекая, что эйфория может оказаться неуместной. Уж слишком явной уликой была эта молния.

Такие качели сомнений и восторга вымотали девушку. Она даже не сразу заметила, что музыку она не слышит с момента падения. И что на ремешке осталось только крепление, а сам приёмник и наушники бесследно исчезли где-то на Трассе.

– Что-то пропало? – от Лёшки не укрылось Викино сожаление.

– Радио с наушниками, – тихо вздохнула она и показала на крепление на поясе.

– Сиди тут, никуда не уходи, – он озорно подмигнул.

И пока Вика не успела ничего сказать, парень уже скрылся за калиткой.

Шутник, – она потрянула головой, – даже на здоровых ногах я не смогла бы сейчас уйти.

Заходящее солнце просвечивало сквозь ветки деревьев, было так тепло и тихо.

Но надо, наверное, успокоиться, взять себя в руки и хоть ладонями придерживать губы, чтоб не расплывались в улыбке при виде его. Но это просто невозможно.

Алексей вернулся быстро.

– Вот, – он положил то, что осталось от приёмника на лавочку.

– Все, приёмничку хана, – расстроилась Вика.

– Не на того напали, – хмыкнул Лёшка.

Принёс отвёртку. Поковырявшись в обломках, вздохнул:

– Придётся оставить до завтра, я ещё вечером посижу.

Вика пожалала плечами и украдкой посмотрела на Лёшкины часы. Время пролетело незаметно, а так хотелось его остановить.

Тут на крыльцо вышла Людмила Сергеевна:

– Лёш, сходи за молоком, – и протянула банку.

Солнце уже почти коснулось краем далёкого зелёного холма. Вся деревня растворилась в тёплых лучах и нежилась, как кот на печке. От деревьев, от домов, от сараев на дорогу ложились вытянутые, тёмные тени.

– Лёш, спасибо тебе огромное! – прошептала Вика у своего крыльца.

– Да ладно тебе.

– Просто чудо, что ты там оказался.

Лёшка хитро улыбнулся:

– Я всегда бываю в нужном месте в нужное время.

Хотелось бы верить, что тебя не было там, где ты мог быть вечером в субботу...

Интересные открытия.

Утром Лёшка решил прогуляться в гости к старшему брату. Димка недавно построил коттедж на центральной улице села. В двухэтажном белокирпичном доме с зелёной крышей могли бы с удобствами разместиться человек десять. Но сейчас Димка жил один.

На широких перилах крыльца лежал Димкин сотовый, на ступеньках ветер ворошил стопку бумаг и квитанций. В глубине дома звякнуло что-то металлическое и сам хозяин вскоре появился в дверях.

Лёшка отвёл взгляд от сверкающей поверхности чёрной «Ауди» и поздоровался за руку с братом.

– Привет.

– Здорово, с чем пожаловал?

– Да так, – парень пожал плечами и сунул руки в карманы, – навестить. Ты Маринку с Ксюней куда дел?

– На юг улетели мои птички. А здесь пока жить нельзя, да и Ксюша маленькая ещё, – Димка заметно погрузился и закурил. – А как там бабушка?

– Всё хорошо, под присмотром.

– А сам держишься?

– Держусь.

– Не тянет?

– Ещё как, – усмехнулся Алексей, – но нужен перерыв.

– Отец правильно сделал, что тебя сюда отправил, – Димка стряхнул пепел и серьёзно посмотрел на брата, – здесь соблазнов меньше.

– Да как сказать. Вчера такое случилось, – Лёшка счастливо вздохнул, вспоминая солнечные лучи на плечах Вики и её грустное «Приёмничку хана», – короче, мне опять пришлось заняться. А бабушка, когда увидела, ещё принесла. Я уже отвыкнуть успел, а она радостная такая, смотри, говорит, что я на веранде нашла, это ещё дедушкин. Ну и понеслось.

– Ну дедушкин-то можно, ты главное не увлекайся, а то отцу расскажу.

Алексей сурово и даже с вызовом посмотрел на Димку:

– А вы не думаете, что это моё призвание, может, я жизнь планирую с этим связать?

– Планируй, школу закончи только.

– Один год остался, как-нибудь продержусь.

– Если свою радиотехнику и компьютеры не бросишь, вылетишь со справкой. Тебя кроме физики с информатикой ещё что-нибудь интересует?

– Ага, – Лёшка прищурился, глядя на брата, – девчонки!

– Надеюсь, живые, настоящие, а не эти из интернета, такие же как ты, на компьютерах повёрнутые?

– Настоящие-пренастоящие... Тут есть одна девушка... – он мечтательно посмотрел на небо, – я, наверное, попал.

Димка, склонив голову, смотрел на брата с улыбкой старого, мудрого удава.

– Чего? – возмутился Алексей.

– Ты не узнаешь джунгли, Маленький Братец? – промурлыкал Димка, выпуская дым.

– Очень смешно, – фыркнул Лёшка.

– Лёх, я тебя не узнаю. Ты ли это?

Алексей опустил взгляд, потом посмотрел куда-то вдаль, снова принялся рассматривать траву под ногами.

– Что-то не так? На неё не действует фирменное обаяние Измайловых?

– Я не понимаю. Она слишком серьёзна. Лишний раз даже не улыбнётся. Будто опасается меня.

– И правильно делает, – не удержался от подколки Димка, – тебе мастерства не занимать.

– Хм... Да ещё обстоятельства нашего знакомства... скажем так... не слишком романтические.

– Боюсь даже предположить...

– Ты помнишь тот пруд? Когда ты ушёл, кое-что случилось... – Димка заметил, что Лёшка начал аккуратнее подбирать слова. – В общем-то, я немного помог её брату... вернуться... домой.

Димка настороженно разглядывал Алексея.

– А я никак не пойму, узнала она меня или нет.

– Так что ты сделал? – прищурился Димка.

– Говорю же, домой помог вернуться. Дорогу показал. Ну, как сумел.

– Понятно. Опять рисковал.

– Диман, не начинай. Я иначе не мог.

– Ох, Лёха, добрая душа, – Димка бросил окурок, – но в целом, не вижу никаких проблем.

Награда должна найти героя.

– Не могу же я прийти к ней и заявить: «Это был я!»

– Почему нет?

Тут на перилах крыльечка зазвонил сотовый, Димка ответил.

– Да, дядь Кость! Ага... Новая партия? Пристроим! Качество? Ну да, конечно... Опять? Конечно свободны. Алексея? Ну к вечеру могу. А-а, понятно... Да-да, будем. Всё, до встречи.

Димка спрятал улыбку, серьёзно посмотрел на брата:

– Лёх, придётся тебе снова поработать, как тогда.

Парень равнодушно пожал плечами.

А Вика с самого утра сидела за столом на кухне. Просто ещё до завтрака бабушка подсунула ей тетрадку. Судя по надписи на обложке, Ульянину. «Nova 2000» было аккуратно написано в верхнем углу. Вероятно, именно её тётя Нина так настойчиво советовала прочитать. Вика вспомнила вчерашнюю поездку: Ульяночка пишет научную фантастику, а ты, Вичка, я знаю, увлекаешься. Может, посмотришь, оценишь, советы там какие-нибудь...

Научную фантастику?! Ага, конечно.

Вика вежливо кивала, вполуха слушая тётушкины напутствия. Просто она была так сердита из-за того, что они не поехали на этот завод. И, конечно, не стала ничего читать.

А потом была так счастлива, по той же причине. Ведь, если бы она уехала, то не упала бы с велика, и Лёшка не помог бы ей подняться и не отвёз бы к себе домой. И не спросил бы про обморок. Это было так трогательно. А она сказала одну из своих мудрёных фразочек.

Может, зря? Вдруг Лёшка решит, что она ненормальная? А колени так и ноют. И ладони. Без его тёплых прикосновений. И щёки горят. Стоит подумать о нём, как по спине, снизу вверх до затылка поднимается горячая волна, и дышать невозможно пока не захлестнёт с головой и вот тогда ловишь ртом воздух... И злишься на себя за такое попустительство к собственным эмоциям. И всё равно жаждешь встречи с ним.

Но колени не хотели, чтоб их лишний раз тревожили, поэтому Вика так и оставалась за столом, склонившись над Ульяниным рассказом. Станным рассказом про какой-то гениальный эксперимент.

Тот рабочий день уже заканчивался. Николай Петрович устало снял ярко-синий халат, повесил на спинку стула. Подготовил все необходимые бумаги. Сегодня нужно было сделать два важных звонка в Москву.

Громоздкий бледно-голубой телефонный аппарат с щелчком отпустил трубку, неуклюжей змеей по столу завился спиральный провод. С жужжанием и тихим треском покрутился диск.

– Ларочка, будьте добры Главного к телефону. Да, здравствуйте, Анатолий Федорович. Я вынужден снова попросить Вас об отсрочке. Нет. Нет, мы не можем. Мощностей! Мощностей не хватает. Мы не удержим её в таком состоянии. Что значит, будет? Вы не понимаете? Она очень нестабильна. Её выворачивает. Да, отрицательный потенциал. Да, глушим. Но этого недостаточно. При условии? Под чью ответственность? Есть – провести испытания... Да, двадцать четвертого августа. Ещё... Анатолий Федорович, разрешите сторонний звонок. День Рождения внука. Юбилей... Десять. Спасибо. Да, всего и Вам.

– Ларочка, будьте добры, общую сеть. Да, номер...

В трубке недолго позанудствовали гудки и мужчина услышал радостный голос внука:

– Алло?

– Здравствуй, Дима!

– Ого! Дедушка! Привет! Как ты себя чувствуешь?!

– Спасибо, хорошо. С Днём Рождения тебя, мальчик мой! Расти большой и умный. Будь здоров и счастлив, слушайся маму и папу!

– Хорошо, дедуль. Буду! – чуть приглушённо, в сторону – пап, это дедушка.

– Дима, приезжай к нам с бабушкой на лето, мы тебе всегда рады.

– Ладно, дед. Хорошо, я приеду. Как твой завод, работает?

– Работает, куда ж он денется? Привет маме и папе.

– А, ну пока, дедуль. Меня там мама зовёт. Да, передам. И бабушке от меня.

Николай Петрович повесил трубку. На душе было тяжело. Он давно не видел сына, невестку и внука. Никак после своего севера они не хотели выбраться из Москвы погостить хоть пару дней здесь в Высоково...

Вика чуть не подскочила на стуле – колени не разрешили. В Высоково? То есть, даже с названием места действия заморачиваться не стала? Поместила всю историю в соседнее село и ладно? И неужели здесь речь идёт о том заброшенном заводе?

Вся следующая неделя была заполнена подготовкой, ежедневными тестами и проверкой всех расчётов.

Утро, несмотря на запланированный эксперимент, было спокойным. И удачным: техники высеяли из эфира новое сообщение. С датой всего через неделю – редкое везение. К девяти начала подтягиваться автоколонна с МЭСами. Из окна своего кабинета Николай Петрович насчитал шестнадцать машин.

Маловато, – подумал учёный, – снова пожадничали.

К назначенному времени все спустились в операционный зал. Подопечная как будто съёжилась, словно бы предчувствуя готовящийся эксперимент. По её покатым бокам тихо ползали фиолетовые молнии. И сама она из искрящегося шара, что ещё пару недель назад азартно потрескивал, подвешенный на протонных пучках, превратилась тусклое закатное солнце, красноватое с сиреневыми прожилками разрядов, плавно струящихся в её полупрозрачном теле.

– Александр, как самочувствие? – спросил оператор у молодого мужчины в белом хлопковом комбинезоне.

– Всё в порядке, – сдержано кивнул тот. Поджатые губы, сосредоточенный взгляд говорили о его решимости. Шутка ли, полгода интенсивных тренировок, плюс подготовка космонавта. Но на душе было тревожно. Само это место словно бы нагнетало, усиливало волнение, возвращая его до панического страха. Но и отвага вырастала пропорционально. И гордость. Ведь они будут первыми. Исследование антиматерии, а возможно и подчинение энергии времени. И главная роль в этом процессе отведена ему. Он «нулевой объект» и он обязан справиться. Он связующее звено между миром и антимиром.

Николай Петрович едва нахмурился, читая отчёт о предварительных тестах.

– Видите, вот здесь, – он подозвал товарища Боровкова, своего главного помощника, – она резко увеличивает запрос по энергии. Дальше снова идёт спад и снова скачок. Это цикл. И мы сейчас на пороге нового пика.

– Это безопасно?

– В запасе у нас есть десяток МЭСов. По расчетам – должны вытянуть.

Плечи затекли, в ногах принялись гулять стада холодных иголок. Кое-как ойкая и вздыхая, Вика перебралась на диван. Устроилась удобно, голова на подлокотнике, ноги повыше. Чтение, несмотря на утренний скептицизм, оказалось очень даже увлекательным.

Эксперимент проходил по плану. Цепь питания была налажена. Но глядя на Подопечную, что всё ярче и активней пропускала через себя маленькие молнии, Николай Петрович тревожился. Хотя тревога, это фон, неизменный его спутник на работе.

Но он так привык к этому месту, к его странному воздействию на человеческие эмоции, и к его настоящему хозяину. Тому, кто любит лабиринты коридоров, полуночную тишину и изредка выползает из укрытия, чтоб полакомиться чужими страхами.

Нерабочие мысли быстро вытеснились заботами о достаточном уровне энергии. Подготовили новый расчёт, который показал огромный дефицит.

По регламенту полагалось остановить работу, провести тесты и дождаться пока все показатели придут к нормальным значениям.

Но имелся приказ управления. Эксперимент должен был быть проведён. Выделены немалые средства. Даже за те шестнадцать машин энергообеспечения придётся отчитываться по полной программе.

Николай Петрович открыл рабочий журнал: книгу в картонном переплёте с желтоватыми, тускло разлинованными страничками.

Добрых четыре десятка страниц были исписаны подробными отчётами об ежедневных тестах. Теперь была очередь главного исследования. Хронопись обязательно нужно предоставить в главное управление.

Николай Петрович усадил в своё кресло товарища Боровкова, велел вести запись.

Нулевой объект и Подопечная уже успешно прошли фазу синхронизации, оставалось дождаться подходящих параметров для старта сближения.

См. тетр. 4а.

Вот так фокус! Только-только вошла во вкус, как продолжение оборвали. Видать, тётя Нина напутала что-то, или, скорее всего, Ульяна даже не в курсе, что её рукопись читают. Иначе собрала бы всё по порядку. И как теперь дальше прочитать?

Вика сердито перелистнула пару пустых страниц. Из тетради выпала вырезка из какого-то глянцевого журнала. На ней красовалась какая-то смутно знакомая платиновая блондинка. Её волосы были цвета белого мёда, имбиря, лимонного сока. А на белой коже виднелись нежные веснушки. Со странным чувством Вика провела рукой по своим волосам. Белый мёд. И черты лица... Вика узнавала в девушке себя, но не сейчас, а лет через десять. Когда она повзрослеет, у неё, наверное, будут такие же лёгкие морщинки у глаз, едва заметные, но очаровательные, и она будет точно также улыбаться, чуть прищурившись, хитро и озорно. Над фотографией от руки было выведено всего одно слово, но зато аж с тремя знаками восклицания: «Модель!!!» Вопросов как обычно оказалось гораздо больше, чем ответов.

А на обороте тетради, на задней обложке Вика увидела карандашный набросок. Не слишком хороший, любительский рисунок, портрет парня, очень похожего на... Вика не верила своим глазам, разглядывая знакомые черты лица, пусть немного неправильные, но от этого не менее привлекательные. Кто-то на обложке Ульяниной рукописи нарисовал Алексея...

Поразмышлять, почему они вдвоём оказались здесь на этих страницах, не пришлось. Где-то в середине тетради Вика заприметила ещё кусочек текста. И хотя глаза уже устали разбирать чужой почерк, справиться с искушением не получилось. Но, к сожалению, это было не продолжение, а неизвестный отрывок. И что за манера у человека – кусочками писать?

В тёмном коридоре гулко раздавался хруст обломков. В свете фонарика по стенам тянулись толстые чёрные кабели и тонкие провода, покрытые слоем пыли, затянутые паутиной. Из чернеющих вдоль правой стены проёмов веяло сыростью и холодом. Луч плясал по стенам и потолку, выхватывая нависающие бетонные блоки.

Из конца в конец словно прокатилась ледяная волна. Беззвучный шёпот словно тысячи мелких пауков расползся по стенам, теряясь в закоулках и замирая где-то на потолке. Хозяин снова обходил свои владения. Сегодня кто-то потревожил его покой, принёс с собой аппетитный аромат паники и страха. И этот кто-то поплатится за своё вторжение.

Пока Вика читала этот странный текст, ей совершенно не было страшно, скорее скучно, даже клонило в сон. Всё-таки Ульяна всего лишь начинающая писательница, и, вероятно, этот набросок просто тренировка, оттачивание навыков. Через ещё пару абзацев такой же чепухи Вика перестала понимать, читает она, или ей грезится, что она сама ходит по пустым коридорам. Под ногой хрустят обломки кафельной плитки. Спуск по бетонной лестнице, внизу так темно, что невозможно понять открыты или закрыты глаза. И в этой темноте – она точно знает, чувствует всей кожей – затаилось древнее зло, ненасытный демон, чей деликатес на сегодня – Викин панический ужас. И бег сквозь эту темноту не даст спасения. Но Вика побежала, не чувствуя ног и не видя просвета, а позади её настигал шорох огромных кожистых крыльев, беззвучные проклятия, прерывистое и тяжёлое дыхание. И вот цепкая и сильная лапа ухватила за локоть и над самым ухом она отчётливо услышала:

– Вика... Вика... Ви-и-ка, там Лёшка пришёл!

Вика резко вскочила и чуть не уронила Валерку, который интенсивно будил её уже с полминуты.

– Лёшка? – вот теперь Вика поняла, что значит по-настоящему страшно. Самый классный парень пришёл к тебе в гости, а ты опять... чёрт знает на что похожа. Неудивительно, спросонья-то.

Вика интенсивно потёрла щёки, по-быстрому собрала волосы в хвост и кое-как доковыляла до крыльца. Валерка к тому времени гостеприимно усадил Лёшку на диван и даже попытался развлечь разговорами, за что и был удостоен самой тёплой и благодарной улыбки сестры.

– Привет, а я тебе приёмник привёз.

– Спасибо, работает? – Вика осторожно присела рядом.

– Естественно. Если я что чинил, это будет работать.

– А у нас ещё стационарное радио накрылось. Из-за грозы. Дедушка очень огорчён. Ой... я не напрашиваюсь...

– Отлично! То есть... не забудь мне напомнить про него. Потом. Мне что-то починить только в радость. А как твои коленки?

Вика рукой махнула. Из головы быстро выветривался сюжет недописанной книги про фантастический эксперимент и заброшенный завод. Да и этот странный сон тоже. Но ей ведь уже снился тёмный коридор и крылатый демон. Словно эту идею кто-то случайно (а может и специально) продублировал в её сознании.

У Вики не получалось дышать ровно и, вообще, просто дышать, вот так, глядя на Алексея, сидящего совсем рядом и увлечённо рассказывающего что-то про радиоприёмники.

Отчего-то подумалось, что у него были какие-то ещё причины визита, и отремонтированное радио являлось скорее средством, чем основной целью, и даже в какой-то момент Вике примечталось, что он хотел бы её поцеловать и пришёл именно для этого. Но всё это было списано в пользу девичьих фантазий.

А лицо при этом отчаянно заливала краска. И это было здорово заметно. По-крайней мере, Лёшка хитро улыбался, глядя на неё. Невозможно красиво, так, что смотреть на него становилось больно. Да, тот карандашный набросок и половины не передавал. И дело было вовсе не в штрихах, углах или полутенях, не в резко очерченном овале лица, линии губ, разрезе глаз. Восторг до смущения, до иголок в кончиках пальцев и перехватывания вдоха вызывало движение. Как он смотрит, легко усмехается, как произносит слова. Движение губ, лёгкая смешинка в уголках глаз. Каких глаз, какого цвета?! Тёмно-серого, того тревожного оттенка, каким наливаются облака перед грозой...

Валерка, как назло, крутился рядом. То и дело курсировал из сеней на улицу и обратно, именно через крыльцо. Будто через двор пройти нельзя. При этом он так многозначительно хихикал, поглядывая на парочку на диване. «Тили-тили-тесто» – так и читалось в его глазах. И Вику это злило.

– Весёлый у тебя братишка, – кивнул Лёшка на дверь, что в очередной раз захлопнулась за Валеркой, – но вы совсем не похожи.

– Да, он папина копия. А я больше на маму...

– Значит, счастливыми будете.

– Почему?

– Примета такая.

– А разве не наоборот? Ты ничего не путаешь?

– Ну... может быть.

– Ага, нам с братом по жизни везёт, как утопленникам...

При этих её словах Лёшка чуть поперхнулся.

– Ой, Валька ведь и правда едва не утонул на прошлой неделе.

– Неужели?

– Да, на Жерелке баловался, плот перевернулся. Его вытащил один... парень.

Вика вдруг замолчала, разглядывая Лёшкины руки, спокойно лежащие на коленях.

– И кто же этот герой? – непринуждённо спросил Алексей.

– Никто не знает, – Вика подняла глаза, – а я не помню его лица...

– Как это?

– Всё случилось слишком быстро. Я не успела вытереть слёзы, как он уже ушёл.

– Очень неразумно с его стороны. Награда должна находить героя.

– Я не знаю, чем я могла бы отблагодарить его, – при этих словах Вика смутилась, почему-то вспомнились спасатели Малибу, а затем сразу и их деревенские поклонники – Вадик и Паха.

– Ну, возможно, он был бы счастлив просто посидеть и поболтать с тобой вот так... – Лёшка с едва сдерживаемой улыбкой повернулся к Вике.

– Ты? – она снова посмотрела на Лёшкины руки, – это был ты?!

Дверь из сеней снова приоткрылась, из проёма высунулась голова Валерки.

– Это он! – Вика ухватила брата за локоть, – это Лёшка спас тебя!

– Ого! – остолбенел мальчик, – болспас, – пробормотал уже себе под нос: – меня там Стасик ждёт. До свидания.

– Это был ты!

Вика всё же справилась с эмоциями, отдышалась, и Лёшка невозмутимо и спокойно принялся отвечать на бесконечные вопросы.

Да, это он был на пруду, присматривал за племяшкой Ксюшей, когда ушли её родители. Да, увидел, что пацан долго не выныривает. Бросился, не раздумывая. А ушёл? Ну просто ушёл, когда удостоверился, что всё нормально. Ксюшу надо было домой отвести. Конечно, узнал, когда пришёл за молоком и встретил в дверях самую красивую, но такую серьёзную, даже сердитую девушку.

– Ну не мог же я потом просто прийти и заявить: а знаешь, я тут твоего брата спас, – под конец рассмеялся Лёшка.

А на пороге опять появились Валерка и Стасик.

Он уже переварили новость, у Валерки чуть блестели глаза, и он то и дело шмыгал носом.

– Искренне благодарю Вас Алексей, – без тени смущения, с одухотворённым видом начал Валерка, протянул руку, – буду рад дружбе с моим спасителем.

– Вот именно поэтому... – Лёшка похлопал по спине паренька, что бросился обнимать его за шею, – Валер, всё хорошо, обошлось. Просто думай иногда о последствиях.

– Ага, – всхлипнул мальчик.

Когда за счастливо шмыгающими ребятами закрылась дверь, Вика тихо прошептала:

– Спасибо...

– Так, – тон Алексея стал строже, – хватит уже.

– Спасибо, что ты пришёл. Спасибо, что рассказал. И за то, что не ждёшь награды...

Лёшка фыркнул:

– Перестань, пожалуйста, иначе я возомню себя супергероем, зазнаюсь и больше не стану приходить за молоком, – глядя на растерянно улыбающуюся Вику, добавил: – разве только прилетать, на крыльях... – и еле заметно подмигнул, так что щёки девушки ещё сильнее порозовели.

Но виноваты в Викином смущении были не только его глаза. Виновато было горячее плечо, что касалось её плеча, и то, что он так в вполоборота сидит, близко-близко и до поцелуя остаётся пара сантиметров, пара вдохов, пара ударов сердца...

Нет, ну сколько можно фантазировать?

Но Лёшка вдруг нахмурился, потом потёр ладонью лоб:

– Эх, совсем забыл... – он как-то виновато глянул на Вику, – мне надо уехать. Вернусь послезавтра.

– Уехать? – на Вику словно ведро холодной воды вылилось.

– Да, у меня в Нижнем Новгороде дядька живёт, там с компьютером беда какая-то, просит помочь.

– Ты ещё и в компьютерах разбираешься? – отличный способ отвлечься и прийти в себя – завести непринуждённый разговор, даже если этого совсем не хочется.

– Ну так, немного...

– А ты не из Нижнего? – Вика уже давно обратила внимание, что Лёшка в разговоре упоминает не просто «город», а произносит полное название. Местные так не делают, в крайнем случае обходятся «Нижним», а бабки, так и вовсе «Горьким».

– Да, там у меня дядя и старший брат, а родители в Москве... – в его голосе проскользнуло сожаление. Неожиданное, словно он сам только-только осознал положение вещей, и оно ему совершенно не понравилось. – Кажется, я совсем не хочу с тобой расставаться...

А вот теперь до поцелуя осталось ещё меньше. Лёшка молчал, молчала и Вика. Тишина становилась какой-то странной, но её совсем не хотелось нарушать. И пока Вика раздумывала, не пора ли закрыть глаза и вообще, стоит ли их закрывать, и получится ли выжить после такого умопомрачения, если он прямо сейчас её поцелует, и какой вкус у его губ, как дверь крыльца резко открылась и на пороге нарисовалась Яна. У неё имелась суперспособность постоянно являться невовремя.

Три привета прозвучали одновременно. Причём два из них с явной ноткой досады.

– Ну, мне уже пора... – Алексей поднялся с дивана.

– Да, у меня тоже дела... – Вика словно проглотила ком.

– Ой, простите... – осознание вмешательства в самый волнующий момент накрыло Яну, но ненадолго. – Вика! Что с коленками?!

Янка так вытаращила глаза, что Лёшка остановился, разглядывая предмет обсуждения, и даже сама Вика наклонилась, словно ожидая увидеть нечто необыкновенное на своих собственных ногах.

– Упала вчера... Но меня спас один супергерой, – Вика хитро улыбнулась.

Чего уж тут, вся романтика давно испарилась.

Лёшка тихо хмыкнул, спускаясь по ступенькам крыльца, протиснулся мимо пристально разглядывающей его Яны и помахал рукой на прощание.

– Упала?! Как так можно? Подожди, у меня есть замечательное средство. Сиди и никуда не уходи! – и Янка унеслась домой.

В следующие пять минут Вика послушно сидела и ждала. Это единственное, на что она в принципе была сейчас способна. А в голове так и звучали его слова: я не хочу с тобой расставаться.

Вскоре прибежала Яна, принесла бинты и пластырь. И начала колдовать, приговаривая, какое же замечательное средство этот оковник. Через пару дней и следов не останется.

А Вика только мечтательно улыбалась, ведь через пару дней вернётся Лёшка. Он ещё даже не уехал, а она уже скучала, и пальцы сами собой нежно поглаживали пластмассовый прямоугольник починённого им радио.

Путешествие.

Валерка и Стасик снова что-то задумали. Понять это можно было по их горящим глазам, постоянным подхихиваниям, и моментальному сворачиванию любых обсуждений, едва Вика оказывалась в близком радиусе. Хотя насчёт неё можно было и не париться, девушка ходила в своём счастливом тумане и ничего не замечала.

Но у пацанов кипела деятельность. Они сидели на лавочке за двором, с рюкзаками и по очереди укладывали внутрь какие-то свёртки и пакеты.

Дома из шкафа Валерка вытряхнул ворох футболок, нашёл самую новую, парадно-выходную, привезённую на случай приезда каких-нибудь гостей, и ещё шорты, джинсовые с металлическим брелоком и карабинчиком на цепочке от кармана, самые любимые классные шорты.

– Бабу-у-уль, – переодевшись, Валька ещё даже не добежал до конца огорода, где бабушка и Вика пололи свёклу, а уже сразу начал отпрашиваться, – бабуль, можно нам со Стасиком в поход?

– Это куда это?

– Да тут недалеко, – паренёк с тревогой оглянулся на Сокольную гору и махнул рукой вперёд, – мы до Ведькиной горки, до Вышкино и обратно.

– Ну катитесь, – усмехнулась бабушка, – только к обеду домой.

– Ну, бабу-у-уль, – заныл мальчишка, – мы только успеем доехать. И сразу обратно, что ли? Мы с собой перекусить возьмём? А? Ну можно?

Бабушка только вздохнула:

– Ну поезжайте, только смотрите там, аккуратнее.

– Ага, – кивнул Валька, и дунул что есть силы обратно на улицу. Лицо его выражало восторг от предвкушения. О да, он будет очень аккуратен, катаясь сегодня на американских горках.

Лямки рюкзака врезались в плечо. На крутой подъём не хватило сил, так что пришлось встать и всем весом давить на тугие педали. Воздух тоже не хотел поддаваться. Его с трудом получалось глотать большими кусками, как застывшую манную кашу. Когда первый рубеж, самый крутой участок был пройден, Валька притормозил, позволив мышцам чуть-чуть расслабиться. Через секунду его обогнал Стасик.

– Ну что остановился, передумал?!

– Вот ещё. Смотри сам не передумай!

– Я-то не передумаю!!!

– И я!!!

И с новыми силами мальчишки рванули вперёд, смеясь и обгоняя друг дружку.

На сегодня у них было запланировано грандиозное приключение.

Мысль о сработавшем телепорте не давала им покоя и в конечном итоге привела к осознанию возможности глобального перемещения в пространстве. Невзирая на проблематику подведения теоретической базы и недостаточный уровень изученности данного феномена, можно было с уверенностью сказать, что данный процесс возможен при условиях полной...

Это Стасик, начитавшись ненаучно-популярных статей, начал изъясняться жёстким канцеляритом. Из той чуши, что с умным видом молот товарищ, Валька сделал умозаключение, что теперь они могут отправиться куда угодно. Да хоть в Африку, или в Америку, осуществить мечту многих, побывать в Диснейленде. Конечно, как любителя всего необычного, Валерку больше тянуло куда-нибудь вроде Йеллоустонского заповедника, но Стасик был против. Болота и дикие заросли он пообещал найти и здесь, в Высоково, необязательно перемещаться на край света из-за них. Недолго ломаясь, Валька согласился. Он великодушен, он не эгоист. Легко уступить, если перед тобой открыт весь мир.

Ребята с разгона чуть не влетели в сторевищую берёзу. Вывернув руль и с потрясающим задним юзом, они синхронно припарковались у дерева. Высший класс, не зря долго репетировали.

– Ну что, готов? – Стасик внимательно всматривался в поле за берёзой, – слышь, по ходу уже началось.

Валерка обернулся. Над полем, из низко нависшей, взявшейся неизвестно откуда тучки хлестал дождь.

Очень странно, вокруг голубое небо и солнце освещает дальний лес и деревню, а прямо перед ними идёт ливень. Настоящий, крупнокапельный и верно холодный. Валька хорошо помнил эти чудесные ощущения с прошлого раза. Он поёжился:

– Странно, мы и шага даже не сделали. Откуда эта туча взялась?

– Нечего болтать, погнажи, – Стасик потянул его за руку.

Мальчишки быстро обошли берёзу три раза. Дождь добрался до них, моментально накрыв ледяным душем, болью в висках и иголками во всём теле. А прямо перед ними развер-

нулся огромный глянцево-чёрный экран. По нему, словно по толстому тёмному стеклу, струились потоки воды.

– Думай быстрее о Диснейленде, – со стоном выдал Стасик.

– Да я о нём только и думаю, – выдавил в ответ Валька. – Так что же это такое? – мальчик протянул руку, но вместо стеклянной стены его пальцы ощутили горячую и сухую пустоту.

– Ого! – следом и Валерка сунулся с неизвестностью.

Переглянувшись и крепко взявшись за руки, ребята шагнули вперёд.

Их встретили оглушающая темнота и тишина, едва разбавленная далёкой, неразборчивой речью и смехом.

«Ноу, ноу, ха-ха-ха, о май гад, но-оу-у!» – слышалось откуда-то из темноты. Когда глаза привыкли, мальчики разглядели на фоне тёмного неба выделенные голубоватой подсветкой странные холмы и острые шпили замка. Ну очень знакомого замка, именно того, который предварял воскресный показ любимых Утиных историй, Чипа и Дейла, на худой конец Чёрного плаща.

– Так это... оно сработало, что ли? – оторопел Стасик.

– А почему темно-то так?

– Вот мы дурачины, – хлопнул себя по лбу мальчишка, – Лерка! Мы два дебила, а Америке сейчас ночь глубокая!

– Хей! – услышали мальчишки откуда-то справа, – Хуз хиа?

– Вот засада! Это же охрана, – прошептал Стасик, – валим быстро назад.

– Ага, – Валерка обернулся, но за спиной никакого экрана уже не было, – а... как?

– Давай сюда, скорее, – Стасик нырнул куда-то в кусты.

Валька бросился следом. В темноте, царапая руки и лицо жёсткими ветками и колючками, мальчишки продирались сквозь заросли, а рядом по аллее кто-то шёл твердой и быстрой походкой.

– Хуз хиа? – повторил охранник, – стоп, плиз, донт хайдс, – голос его был спокойный, даже дружелюбный. Но смысла его слов мальчишки конечно же не понимали.

– А я говорил, – зашептал на ходу Стасик, – давай английский учить по Викиному учебнику.

– Ага, сразу за десятый класс. Чего мелочиться, – Валерка пыхтел, откидывая от лица ветки.

– Как теперь ему объяснить, что мы не воры? И как здесь оказались?

– Даже если б он по-русски разговаривал, и то бы не поверил, – ворчливо прошептал Валька.

– Хватит препираться, как выкручиваться будем?

Кусты неожиданно кончились. Впереди расстилалась лужайка, ровная, чистая и безнадежно открытая. Ни кусточка, ни стеночки, ничего, где бы можно было укрыться от этого дружелюбного сторожа.

– Хей, гайз, донт ран!

Но ребята уже неслись по колкой и какой-то ненастоящей траве в никуда, в темноту, отчаянно надеясь на скорость своих ног. Но бежать становилось всё труднее.

В икроножных мышцах вдруг натянулись какие-то жилки, так болезненно, что ноги онемели. Лицо и руки закололи ледяные иголки. Резкая головная боль взорвала темноту перед глазами тысячами электрических вспышек, зелёных, малиновых, фиолетовых.

– А-а-а! – Стасик повалился на траву. Валерка пробежал по инерции ещё пару метров, но тоже не совладал с непослушными ногами. Уткнувшись лицом в странно сухую, похожую на пластиковую, траву он почувствовал, как сзади подбежал охранник, завёл его руки за спину, несильно стянул чем-то мягким.

– Дяденька, не надо, мы домой хотим, – жалобно выдал Стасик, вероятно уже пойманный и поднятый на ноги, – я стоять не могу... голова...

Точно, мы хотим домой, – только успел подумать Валерка, как холодные капли дождя застучали по спине и сразу стало слишком светло.

– У-у-у, – застонал где-то рядом Стасик, – как же болит голова...

– Мы? Дома? А были? В Америке? – Валька тяжело дышал, но всё же смог встать, огляделся. Стасик возился в высокой мокрой траве, пытаясь подняться.

– Мы сделали это, – друг ухватился за протянутую руку, – мы побывали в Диснейленде.

– Ага, в темноте по кустам побегали.

– В следующий раз, будем умнее, ночью сюда приедем.

– Ну уж нет, хватит мне таких аттракционов. А если бы нас не вернуло обратно? Что бы ты делал?

Озадаченный Стасик виновато опустил голову. Подошёл к берёзе и принялся отколупывать сгоревшую кору.

– Вот об этом я не подумал. Надо разобраться с механизмом телепорта. Выяснить как он работает, чтоб можно было им управлять.

– Ага, в учебнике по физике как раз всё подробно расписано, – съязвил Валерка, – в Викином за десятый класс, – тяжело вздохнул, и вдруг вскинул руку, показывая в сторону пруда, – Смотри-ка, вон ещё два дурака под дождём гуляют, приключения ищут. Прямо как мы.

По лугу бодрым шагом маршировали два пацана, издав очень похожие на Вальку и Стасика. Даже футболка у Валерки была такая же. И вдруг ни с того ни с сего ребята исчезли. Провалились сквозь землю. Вот только что были, и вдруг словно нырнули куда-то вниз.

– Показалось? – неуверенно пожал плечами Стасик. – Наверняка. Кто же будет под таким ливнем гулять. Вообще, здесь частенько миражи бывают. Мы прошлый раз Вику видели, помнишь? Так она никуда в тот день не ездила.

– И всё это безумно странно... – задумчиво пробормотал Стасик.

Тот неожиданный дождь, который ребята приняли за эффект телепорта и не думал кончаться. Маленькая тучка разрослась на всё небо, напитываясь влагой с окрестных полей, она тут же щедро отдавала её обратно. В густых испарениях тонули далёкие, видимые с вершины горы синие леса. Дождь старательно растушевал даже близкую, с Колковской стороны, линию горизонта, спрятал деревню под пухлыми клочками тумана.

Ёжась и передёргивая плечами от быстро остывающих капель, мальчишки спустились по скользкой тропинке к деревне. По традиции у дома Стасика молча кивнули. Каждый знал, что и об этом путешествии они оба будут молчать.

Вести хорошие и не очень.

Тот же самый ливень прогнал Вику и бабушку с огорода. Они просто убрали вёдра и мотыжки под навес, решив, что дождь вот-вот закончится, но уже через полчаса стало понятно, что ненастье будет затяжным. Похолодало.

Так ещё ни с того, ни с сего опять отключили электричество. Внучка с бабушкой были как раз на кухне, собирались пить чай. Поначалу упало напряжение, так что свет стал тёмно-оранжевым, и под потолком повисло низкое, тревожное гудение, а потом кухню озарила слишком яркая вспышка и лампочка погасла.

– Ну что вот делают, так никакая проводка не выдержит. Вон, в сенях-то, так и не наладилось, – бабушка сердилась и на дождь, и на Вальку, и на электриков... Сердитостью маскировалась тревога.

А Вике в голову настойчиво лез вопрос: успел ли Алексей уехать до дождя и если успел, то взял ли с собой тёплую одежду? Дождь усиливал тоску, словно забирал Лёшку навсегда. Вике начинало казаться, что, если вдруг это ненастье не закончится, Лёшка уже никогда не вернётся,

и она просто не выживет. Умрёт от тоски по человеку, которого, честно говоря, едва знает, но безумно хочет узнать. Несомненно, зачахнет здесь, под дождём. Если, конечно, не найдёт какой-нибудь способ отвлечься...

Но о чём бы Вика ни старалась думать, мысли всё равно приходили к общему знаменателю: жалко, что Лёшка уехал.

Из-за бабушкиного беспокойства за пацанов начала нервничать и Вика. Она то и дело выглядывала в окно, смотрела на тропинку, теряющуюся в кустах, ведущую из Вышкино, откуда и должны были вернуться мальчишки, но они что-то не появлялись. Зато на тропинке вдруг возникла грузная фигура тёти Нины. Дождь, как назло, припустил ещё сильнее, так, что не стало видно даже соседней улицы.

Вика, накинув на плечи дождевик, выскочила навстречу. Она встретила тётушку уже изрядно промокшую, но всё же раскрыла над ней зонтик.

– Ох, спасибо, доченька, спасибо красавица, – женщина вытирала лицо ладонью, – вот ведь налетело. А я как раз к тебе иду.

На тёплой кухне, за чашкой горячего чая бабушкина подруга призналась, что отдала внучкину, Ульянкину рукопись без спросу. А когда та хватилась одной из своих тетрадок, то сердиться не стала. Только руками всплеснула: Бабушка, там же только часть рассказа, кусочек. Но не это главное! Там образы, образы главных героев! Это потерять никак нельзя.

Вика слушала с открытым ртом.

– А у вашей Ульяны одна книжка? – Вике вспомнилась самая первая поездка и эпизод про Вику, Вадоса и Паху. А если образы главных героев так похожи на них с Лёшкой, то... Тут в голове что-то совсем перестало укладываться.

И... жалко, что Лёшка уехал, я бы показала ему портрет..

– Ну пока вот всё одной занимается. Повесть, говорит, пишет, маленькую летнюю повесть. Любовные приключения с элементами научной фантастики и детективной линией.

Бр-р, ну и формулировочки... – подумала Вика, – не слишком ли всего намешано? Немного многовато.

А вслух сказала:

– Надо же, как интересно!

Услышав это, тётя Нина так воодушевилась, что с азартом начала рассказывать про внучкино творение, и даже бабушка немного отвлеклась от переживаний за Валерку.

– У Ульяны целый проект. Сначала написала одну книгу, потом к ней продолжение. Половину написала, отложила. Говорит, поняла теперь как надо писать, а как не надо, и решила переписывать первую. А так у неё ещё полно рассказов разных, легенд, сказок. Вот в этой тетрадке, – женщина бережно положила руку на уже прочитанную Викой рукопись, – новый вариант. Но есть и кусочек старой книги, она пока думает, что взять, что оставить. А ещё она сказала, что пока любовную, – тётя Нина по-доброму усмехнулась, – линию выстраивает, главных героев знакомит поближе, всё что касается научно-фантастической составляющей, может отдать для прочтения и рецензирования. Поэтому, вот... – и тётушка выложила на стол штук пять тонких тетрадей.

– Ого, – выдохнула Вика, слегка озадаченная перспективой рецензирования, о процессе и правилах которого она не имела ни малейшего понятия.

– Здесь всё пронумеровано, Ульяночка везде ссылки расставила, что за чем идёт.

Викин слух царापнуло неуместное в речи деревенской женщины слово, мысли снова отправились куда-то по своим делам, скорее всего вслед за уехавшим Лёшкой, и нить разговора слегка потерялась. Оставалось только кивать и улыбаться. И даже бабушка немного устала слушать эти хвалебные речи.

– А мой-то, – решила она перевести тему, – к обеду в вашу сторону отправились и до сих пор не слуху, не духу.

– Ох, с мальчишками одни беды, – отмахнулась тётя Нина, – то ли дело внученьки наши, красавицы. А вот ещё что Ульяночка придумала...

Точно, с мальчишками одни беды, особенно, если они куда-то уезжают!

Вика быстро ухватила тетрадки и скрылась в комнате от очередной порции дифирамбов. Да, с такой тётушкой не захочешь, так прославишься, талантливый пиар-менеджер.

Если в окно из кухни хорошо просматривалась Вышкинская дорога – тропинка в кустах, то из окон комнаты можно было видеть почти весь путь от леса до деревни. За лесом лежала автотрасса. А под крутым склоном поток машин встречала автобусная остановка. Крепкое сооружение из бетонных блоков, расцветенное яркой мозаикой. На черном фоне – цветы с радужными лепестками, райские птицы, немного смахивающие на петухов. В общем-то, сие творение никакой культурной ценности не представляло, но разноцветные осколки эмали, изредка выпадающие, непременно подбирались местной малышнёй и служили им, как ракушки островитянам. Самостоятельно ходить до автобусной остановки категорически запрещалось. Поэтому Валерка ждал родителей с нетерпением, ведь городские гостинцы – гостиницами, их на крайний случай и в магазине можно купить, и в Колково на велике стонять, если уж совсем что экзотическое понадобится. А вот яркие цветные квадратики и треугольники мог собрать для сына только всё понимающий отец.

И кстати, родителям уж пора было бы приехать. Суббота всё-таки. И Андрей что-то опять не едет. И Лёшка уехал... Ну сколько можно думать о нём?!

Стоило вспомнить о родителях, по закону притяжения они как раз и появились на дороге за ручьём. Вика узнала мамин чёрно-красный зонтик и светлую ветровку отца.

А Валька-то не встретит, вот расстроится.

Но на кухню по счастливой случайности они зашли все вместе. Братишка материализовался будто бы сразу в сенях. Промокшая даже под зонтиком мама, чудесно-сухой, лишь слегка испачкавший кроссовки в глине папа и Валёк в состоянии хоть выжимай и сажай на печку. Бледный, продрогший, уставший, будто он с другого конца земли домой вернулся. И молчаливый странно.

На городские гостинцы он внимания даже не обратил, с благодарностью принял горсточку «эмалек», но тоже как-то нерадостно. Завалился на кровать с... вот опять чудеса... с учебником физики.

На бабушкины и мамины причитания по поводу купания в пруду неделю назад он махнул рукой:

– Обошлось всё, там же Лёшка меня спа... – пацан вовремя прикусил язык, но женщины не обратили внимания на этот обрывок фразы. Их больше возмущало Валеркино самовольство, а не то, к чему оно могло бы привести. Да и возмущались они недолго.

Вскоре в гости забежала Яна. С новой порцией лечебных снадобий. Справедливо говоря, действенных. Коленки совсем не болели, корочка была тонкой-тонкой, а под ней уже розовела новая кожа.

Мама поахала над коленками, поохала над подаренными часами, повздыхала «как вам, девчонки повезло, что вы есть друг у друга» и занялась домашними делами.

А девчонки, накинув куртки, расположились на крылечке в компании семечек. Вика только собралась выплеснуть свои чувства, для их непредвзятого анализа великомудрой Яной, как за окном у дома Андрея припарковалась машина. И, невзирая на проливной дождь, он сам вскоре появился на Викином крыльце. Сердитый.

На радостные приветствия девочек он сдержанно кивнул, состроил какую-то кислую гримасу и со вздохом уселся рядом.

– Проблемы? – осторожно поинтересовалась Яна.

– У вас-то? Ещё какие.

Девочки переглянулись.

- Ну...
- Весело было с Белым гулять?
- Чего? – в один растерянный голос спросили девчонки.
- В среду, перед вечеринкой у Макса, – Андрей вопросительно посмотрел на Яну, – душа моя, я о чём тебя просил?
- Погулять, потянуть время до десяти, – сердито отозвалась она.
- Вот именно, погулять! А не вляпываться в неприятности!
- Мы просто познакомились с двумя деревенскими гопниками, – с нервной усмешкой возразила Вика, – и это была моя инициатива.
- Андрей воздел глаза к потолку, выпустил выдох сквозь поджатые губы:
- Эти два деревенских гопника могут, если захотят, устроить вам весёлую жизнь на всё лето. И ни я, ни Ден с Максом вам не помогут, – предупреждая возмущённые возгласы девчонок, Андрей поднял руку, – тихо, спокойно! – и с видом терпеливого воспитателя, вынужденного объяснять несмышлёнышам элементарные вещи, продолжил: – Вы по всем раскладам не правы, а если за вас впишемся, то и мы будем не правы. Пацаны не поймут. Нечего было вообще с ним связываться, если... А... – парень досадливо махнул рукой, – о чём с вами говорить? Это же надо было додуматься... Белого кинуть.
- А что теперь будет? – робко спросила Яна.
- Ничего особенного, – улыбка у Андрея получилась какая-то слегка шальная, – подумаешь, сделаете всё, что он захочет, и дело с концом, – при этом он так многозначительно цокнул языком.
- В смысле?! – в один голос возмутились девчонки.
- Ха-ха, ладно, это я прикалываюсь, а если серьёзно, я попробую с ним поговорить. Но ничего не обещаю. А вы пока на глаза ему лишний раз не попадайтесь.
- Это легче лёгкого! – радостно воскликнула Вика, – они даже наших имён не знают, а уж где живём, тем более.
- Андрей хлопнул себя ладонью по лицу, шумно выдохнул и, глянув сквозь пальцы, спросил:
- Ты это сейчас на полном серьёзе?
- Пока Вика смущённо думала, что бы ответить, Андрей поднялся:
- Ну счастливо, девчонки. Я пойду, а то весело с вами, слишком.
- Весело теперь нам будет, – удручённо вздохнула Яна, слишком откровенно сожалея о двери крыльца, хлопнувшей за спиной парня.
- Прости, это я виновата, – тихо сказала Вика, – я сама не знаю, что на меня тогда нашло. Мне хотелось узнать, кто они такие.
- Узнала теперь?
- Да ладно тебе, мы сами с ними поговорим, – успокаивающе продолжила Вика, – они же всё-таки люди.
- Они же всё-таки гопники, – снова вздохнула Яна.
- А у Вики стало как-то нехорошо на душе.

Герои недописанных книг.

Погода, к сожалению, не наладилась. Утро было хмурым и долго уговаривало Вику не вылезать из-под одеяла. Всё равно делать было нечего. На улице прохладно. И Лёшка должен приехать только завтра.

Докатилась, – мечтательно улыбнулась Вика, – теперь утро начинается с мыслей о нём. Головокружительная катастрофа.

После завтрака Валерка снова умотал к Стасику, не забыв прихватить упаковку «скитлса». Папа перебирал выключатель в сенях. Он привёз из города новый, но старинная

проводка не приняла этот дар. Поэтому пришлось вернуть на место старинный, ярко-голубой с маленькой чёрной кнопкой. И свет вдруг загорелся, как ни странно.

На небе тоже свет включили. Сквозь сливочные облака начало проглядывать солнце. И сразу стало заметно теплее.

Издалека, а может просто Вике так хотелось, слышалась знакомая и очень подходящая к настроению песня. Что-то про зелёную волну, что накрыла её тень, и размытый поцелуй, что помнят челюсти... Как бы ни странно это не звучало.

Вот и неправда, ничего они не помнят! А могли бы... Яна-Яночка, я когда-нибудь тебя прибью!

Вика быстро добежала до Янкиного крылечка, но оно оказалось закрыто на замок. Тогда Вика решила пройти через двор...

Она влетела в ворота, начисто забыв о Казбеке, а когда увидела его, коротко бросила «Фу!» и скрылась в дверях. Пёс просто обалдел от такой наглости. Уселся посреди двора, озадаченно уставился на дверь в сени.

Яна выскочила навстречу:

– Где Казбек?!

– Там, во дворе.

– Как же ты прошла?

– Просто.

Яна осторожно выглянула во двор. Пёс насторожился, поднялся на лапы и весомо звякнул цепью.

– Казбек? – робко пискнула Яна. Он в ответ зло гавкнул и бросился к двери, которую девчонки моментально с визгом захлопнули.

– Придётся через крыльцо.

– Оно это... – Вика виновато вздохнула, – снаружи заперто.

– Вот это да... – задумчиво протянула Яна, – как бы нам тут до обеда не просидеть.

– А ты одна дома?

– Мама с бабушкой и папой ушли в лес с утра пораньше. А про меня не подумали.

– Может его покормить? – робко предложила Вика, – он подобрееет.

– Ага, этот монстр даже если килограмм мяса сожрёт, всё равно нас не пропустит. Вредный слишком.

Словно в подтверждение её слов, Казбек издал жуткий рык. Вика осторожно приоткрыла дверь. Лохматая псина тут же злобно оскалилась и бросилась вперёд. Тяжёлая цепь, одновременно звякнув десятком звеньев, резко натянулась, дёрнув за шею ринувшегося в атаку пса. Он припал на передние лапы, визгливо кашлянул и с оглушительным лаем начал прыгать, пытаясь избавиться от удавки. Подружки словно оцепенели, глядя, как вязкая слюна превращается в белую пену на клыках зверя. Цепь натянулась до предела, одно из звеньев не выдержало напряжения и, лопнув, выпустило ошейник Казбека. Подружки с воплями захлопнули дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.